Метро 2033: Спящий Страж

Автор:
Сергей Чехин

Метро 2033: Спящий Страж

Сергей Чехин

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Мы вновь возвращаемся в постъядерную Самару, описанную Сергеем Палием в романе «Безымянка». Рубеж открыт, но вдали стал виден загадочный светящийся купол. Думала ли юная Арина, выросшая в подземке, что именно ей доведется отправиться туда в поисках ушедшего отца? Ведь это же – сущее самоубийство. И хотя сопровождает ее легендарный сталкер по прозвищу Еж, кажется, он вовсе не намерен оберегать ее от малейшей опасности. Похоже, этому циничному типу просто интересно посмотреть, как далеко способна зайти девушка в своей решимости.

Сергей Чехин

Метро 2033

Спящий Страж

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

© Д. А. Глуховский, 2018

© С. Н. Чехин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Природа комфорта

Объяснительная записка Анастасии Калябиной

Рабочее название романа Сергея Чехина было «Зона комфорта». Сейчас так называется только десятая глава – знаковая глава для этого романа, а сама книга переименована.

Поясню. Среди ядерных пустошей и тоннельного мрака, среди мутантов, аномалий и просто нехороших людей найти место, где ты будешь чувствовать

себя по-настоящему комфортно почти невозможно. Сергей попытался. Получилась илюзорная зона, где, Крохе, главной героине романа, должно было быть комфортно. Она находилась под боком у любящего отца – у нее была крыша над головой, вода еда – в общем, все, что необходимо человеку для нормальной жизни. Но есть нюанс. Птичке в клетке живется очень тяжело. Вот и девочка не совсем счастлива и затевает побег. А почему?

Тут нужно понимать, что из себя представляет зона комфорта. Ее увидеть или потрогать не получится – зона комфорта это наши внутренние тараканы, это душевное состояние, при котором мы ощущаем себя «в своей тарелке». Эта зона складывается из огромного количества факторов – от того же места и времени до окружения, привычек и обстановки. Подумайте, вы сейчас в зоне комфорта? Не хочется сбежать? Еда нравится? С близкими все хорошо? Здоровье не шалит? А люди вокруг не раздражают? Работа? Учеба? Если на все вопросы вы ответили «да», то могу вас поздравить – вы в зоне комфорта. Советую в ближайшее время не планировать никаких перемен в жизни. Хотя не все психологи считают, что зона комфорта полезна для человека, но это тема для другой объяснительной.

Я все чаще прихожу к выводу, что зону комфорта нелегко отыскать даже в нашем продвинутом современном обществе – все больше людей страдает, находясь в тепличных условиях. В прекрасной Норвегии, где уровень жизни достаточно высокий, высокий и процент самоубийств. Богатейшие люди мира сего, как правило, несчастны – за примерами далеко ходить не надо. А вот рай находится в шалаше. Или в случае с нашей героиней за пределами ее «зоны комфорта».

Только что же там будет?

А там – настоящий ад. Читайте сами, я пересказывать не буду. Но скажу сразу, зона комфорта находится не вокруг, она внутри. И когда тебя окружают верные друзья, люди, которых ты любишь, зона комфорта сама находится и селится в твоем сердце. Только так и никак иначе.

Пролог

Что мы знаем об ушедшем мире? Немногое. Несмотря на спутники и прочие умные штуки, на нем было достаточно белых пятен. Как на моем верстаке, когда я однажды чихнул молоком.

Что мы знаем о новом мире? Почти ничего. И дело не в том, что у нас мало умных штук, а сталкеры рисуют карты от руки. Просто он постоянно меняется. Аномалии исчезают и появляются, чудовища приходят и уходят или превращаются в еще более жутких тварей. Новый мир – словно кипящий суп: никогда не знаешь, что всплывет, а что утонет. Неизменно лишь одно – люди. Как были… так и остались.

Егор Ежов, «Ежовые заметки»

Сентябрь 2033-го, Самара, бункер Сталина

Прошел месяц после падения Рубежа и заключения хрупкого, но все же мира. В туннелях воцарилась долгожданная тишина, на баррикадах перестала литься кровь. Люди дышали каждой спокойной минуткой и снова думали о будущем. Станции и переходы, палатки и вагоны, посты и кабаки озарил тусклый, едва ощутимый лучик надежды. Надежды на то, что завтра в кои-то веки будет лучше, чем вчера.

Но уничтожение барьера принесло новые угрозы. Долгие годы жизнь за ним текла своим чередом. Все, что прежде сдерживала незримая преграда, устремилось в руины Самары. Неведомые мутанты и неизученные аномалии могли обернуться такими проблемами, что война с Безымянкой показалась бы детской возней.

Больше всего руководство Города беспокоил светящийся пузырь на южной окраине. Окутанная туманом полусфера высотой с пятиэтажку и шириной с футбольное поле. Твари боялись ее, как струи огнемета, а смельчаков, отважившихся проникнуть внутрь, ждала незавидная участь. Никто из бродяг, окунувшихся в сияние цвета молодой луны, так и не вернулся.

– Его называют Белой дырой, – на стол шлепнулась пыльная папка. – Мои люди нарыли кое-какую инфу. В основном – слухи и байки.

В тесной комнатушке с бетонными стенами стоял круглый столик и три кожаных кресла. На столике искрился хрустальный графин с водкой советского разлива, какую пивали высшие партийные чиновники неспокойных послевоенных лет. Настоящее сокровище среди грибной браги и тошнотворного самогона.

Лампа с зеленым абажуром бросала неяркий свет на красный дисковый телефон. Говорили, он помнит прикосновения железной руки самого вождя, но это, скорее всего, очередная небылица.

Вот и все спартанское убранство зала заседаний негласного триумвирата – тройки самых влиятельных горожан, переходного правительства, тайно и без особого сопротивления взявшего власть после перемирия. С одной стороны, узурпаторы в самом деле тряслись за процветание станций. С другой, преследовали собственные корыстные цели, во всем опираясь на древнюю мудрость: богат народ – богат и король. Савва, отлеживающийся после недавних событий, лишь играл роль безвольной говорящей головы и озвучивал принятые сообща решения.

Собравшиеся встречались исключительно в тихих недрах бункера. Только самые близкие к телу (вернее – к телам) знали их имена. Но никогда не называли вслух, обходясь кличками. Док – лучший врач во всем Городе. Майор – командир дозорных, добытчиков и всех тех, кто носит оружие не для понта, а для дела. Без его ведома под землей не грянет ни один выстрел, да и до поверхности мохнатые лапки при желании дотянутся. И Форбс – ушлый делец и серый кардинал, подмявший все, что приносит доход. Наука, Армия и Казна – три главные составляющие любого успешного государства.

– Белая дыра… – врач перевернул страницу. – Могильник. Самарский треугольник. Погост. Любопытно…

Пухлые пальцы с золотыми перстнями утащили папку во мрак. Тучный силуэт заерзал и пробубнил:

– Это что, сборник фантастики? Космический корабль, силовое поле, технологии пришельцев.

– Бредни Культа Космоса, – проворчал лысый крепыш. – Ничего серьезного. Внесено, так сказать, для протоколу.

Бумаги скользнули по лакированной столешнице и врезались в телефон. Тот жалобно звякнул.

– Да пусть там хоть звездные врата стоят. Сталкеры – основа экономики. Мои золотые антилопы. Я не хочу, чтобы они пропадали в этой… дыре. И без того мрут как мухи.

– Другое беспокоит, – Майор вздохнул и побарабанил по трубке. – Как бы дрянь оттуда не полезла. Мало ли, что под тем Куполом. Вдруг яйцо Годзиллы? Как вылупится – сам себя хорони.

– Ты не из тех кукукнутых, часом? – усмехнулся Форбс. – Годзиллы какие-то… Еще скажи, эльфийки голые бегают. С вот такенными ушами.

– Очевидно, Могильник – крайне опасная аномалия, – заступился за товарища Док. – И неизученная, а оттого опасная вдвойне. Предлагаю отправить отряд. Пусть проверят и узнают наверняка, эльфийки там или все же годзиллы.

– С меня машина и взвод бывалых бойцов.

Врач тряхнул головой.

– Нет-нет. Взвод ни к чему. Сейчас мир, да и мутанты особо не буянят. Небольшого отряда вполне хватит.

– Лады. Подряжу самых лучших.

– Секундочку! – толстосум поднял мизинец. – С ними поедет и мой человек. Узнает, есть ли чем поживиться.

В пятно света легла длинная холеная кисть. Сверху упала волосатая, со сбитыми костяшками. Их накрыла пухлая, в перстнях. Триумвират принял решение.

Часть I

Мир людей

Глава 1

Точка невозврата

Ежи тоже люди.

Егор Ежов, «Ежовые заметки»

«Носорог» пер во весь опор, расталкивая отвалом гнилые остовы автомобилей. Превратить мусоровоз в гантрак – задача не из легких, но Город недаром считается самой сильной и развитой общиной. Сталкеры притащили все необходимое, а инженеры, вооружившись сваркой, точно художники – кистями, «разрисовали» невзрачный «газик» в бронированного короля бездорожья. Со щитами на кабине и колесах, бойницами вдоль черно-серых бортов и башенкой с пулеметом ДШК над горловиной бака. Емкость, куда двадцать лет назад подвыпивший Вася беззаботно сваливал зловонные отходы, нынче стала укрепленной огневой точкой.

Грузовик пересек старый мост и покатил на юг – прямиком к Погосту. Издали купол напоминал дымчатого осьминога, подсвеченного изнутри гигантской лампой. Щупальца из белого марева облепили выпуклость, словно мышцы – глазное яблоко. И жирными клубящимися змеями ниспадали на развалины богом забытой деревеньки.

Об этом месте ходили байки одна другой страшнее. Разношерстной бригаде приказали выяснить, сколько в них правды, и каких пакостей ждать от внезапного соседа. Док прислал пару пожилых ученых с блоком датчиков на лебедке. В зеркальном шаре с антеннами теснились дозиметры, термометры и прочие анализаторы.

Ценный груз и не менее ценные кадры сопровождали опытные сталкеры – ветераны своего дела. Влад Бронин по кличке Спас – в прошлом сотрудник МЧС, а нынче второй по известности добытчик в Городе. Его постоянный напарник – Алексей Волков, аккурат к концу света дослужившийся до капитана ГРУ. А эти ребята, как известно, бывшими не бывают. Третий сидел в углу подальше от всех и кутался в длинный кожаный плащ.

Соратники делали вид, что знать его не знают. Светила науки тайком поглядывали с чисто профессиональным любопытством, но заговорить не решались. И только молодой патлатый прощелыга по прозвищу Нюхач – тот самый соглядатай подземного олигарха – осмеливался подначивать молчаливого бродягу.

Развалился на скамье напротив, раскинул ноги и с вызовом уставился на незнакомца. Сперва попытался поиграть в гляделки, но зеркальное напыление шлема скрывало лицо. Затем наехал в открытую. Юнец слишком долго шпионил на Безымянке и не знал, о ком судачат горожане, причем исключительно шепотом. Знал бы – повел себя иначе.

– Занятные пушки, – Нюхач с презрением осмотрел висящие на бедрах стволы и усмехнулся. – Такими – только крыс гонять. А представь, если против тебя парняга вот с этим красавцем. – И нежно погладил «калашников» сотой серии с оптическим прицелом. – Что делать будешь?

Сталкер спрятал ладони под мышками и притворился спящим.

– Эй! – патлач пнул его по сапогу. – Отвечай, когда спрашиваю!

– Не лезь к нему, – донеслось из кабины. – Форбсу не понравится.

– С чего вдруг? – шестерка тряхнул грязными космами, за годы без воды и мыла свалявшимися в модные когда-то дреды. – Это же просто сраный бродяга. Знаешь, как шеф вас называет? Голуби. Только и умеете в помойках рыться и улетать при шухере.

– Ты не понял, – спокойно ответил Волк, переключая передачу. – Форбсу не понравится, если его человек вернется без башки.

– Да пошел ты! – проныра оттопырил средний палец. – Старпер.

– Кажется, я знаю, – раскатисто громыхнул Спас, – кто в нашем отряде погибнет первым.

Бак задрожал от дружного хохота. Даже тихие, как мыши, умники подключились.

– Это – Егор Ежов, – отсмеявшись, сказал водитель. – Лучше не зли его.

Пристыженный щегол уткнулся в кормовую бойницу. И тут же замахал руками, словно те окутало пламя.

– Народ! За нами хвост! Это дикие – отвечаю. Видел такой тарантас в их гараже.

Алексей выругался. «Носорога» выпускали из стойла лишь по очень большим праздникам, и старик совсем отвык смотреть в зеркала. А на кой, ведь сгнившие корыта не обгонят и не врежутся в зад. Если бы не случайность, он бы не сразу заметил стремительно нагоняющий «хантер».

Враги потрудились на славу. Воскрешенное инженерным гением древнее чудище ловко лавировало меж ржавеющих сородичей. «Уазик» не мог похвастать тяжелой броней и оружием, зато несся быстрее ветра.

– Шугани их! – крикнул разведчик, выворачивая руль. – Пока в слепую не вошли!

Башенка крепилась слишком высоко и близко к кабине. И потому почти не годилась для стрельбы против курса. Стоит преследователям подойти на три корпуса к корме, и все – мертвая зона. Панцирь у них хоть и тонкий, но из автоматов пробивать замучаешься. А патроны еще, ой, как понадобятся, да и вообще – не с неба падают. Без пулемета не обойтись.

Спас вытянулся во весь немалый рост и поддел широкими плечами поворотные рычаги. Обычно механизм шел туго, со скрежетом, но великан вертел башню так, будто в ней стоял электрический привод.

Бум-бум-бум-бум!

Кузов заходил ходуном. Ученые, как по команде, упали на колени и обняли шар. Приборчики они явно ценили выше собственных жизней.

Тяжелые пули, которые давным-давно останавливали танки и сбивали самолеты, рассекли мокрый асфальт. Помятую «тойоту» украсили дыры размером с яблоко, стоявшую рядом «Оку» и вовсе завалило набок. Но юркий «охотник» успел подобраться на безопасное расстояние.

– Поднажми! – гаркнул стрелок.

– Куда?! – Волк в сердцах стукнул по клаксону. – Это мусорка, а не «феррари»!

В крыше «хантера» открылся люк. Едва увидев, что оттуда высунулось, сталкеры быстрее ветра упорхнули с кормы. Дикий с намалеванным на респираторе черепом взвалил на плечо РПГ-29 – знаменитую шайтан-трубу, грозу всего гусеничного и низколетящего.

Противник резко дал по тормозам, чтобы своих не посекло осколками. Реактивная струя раскалила воздух, снаряд верхом на огненном столбе с пронзительным свистом устремился к цели. Водитель в последний миг успел развернуться, подставив под удар угол между бортом и задним люком – самое прочное место кузова.

Маневр спас гантрак от пробития, а экипаж – от лютой смерти в пожаре взрыва. Но машина потеряла устойчивость в заносе, и ударная волна играючи развернула ее поперек дороги. «Газик» качнулся на левых колесах и с оглушительным лязгом выровнялся. На все ушло меньше секунды, хотя отряду показалось – целая вечность. Гидравлика не выдержала, и выпуклая плита для прессовки мусора отвалилась, оставив внутренности бака без защиты с тыла.

– Гони! Гони! – Спас просунул дуло «Сайги» в бойницу и вдавил крючок.

Соседнюю бойницу занял Нюхач со своим хваленым автоматом. Стрекот и гулкий лай эхом пронеслись над покинутыми деревнями и утонули в посадках вдоль полей. «Маслины» и дробь летели, куда попало, но дикари не испугались шквального огня и отплатили той же монетой. Внедорожник ощетинился стволами. Затарахтели АКСУ, ухнули обрезы, пискляво чихнул СКС. Свинцовый

град забарабанил по обшивке, высекая фонтаны ослепительных искр.

Колеса сердито зашипели, обдав обидчиков грязью и гравием. Грузовик, трясясь и подпрыгивая, взял с места в карьер.

– Ложись! – Влад первым распластался за чудом уцелевшим куском стали.

И тут мимо бойцов вальяжно, как по пляжу, прошел Егор. Встал одной ногой на обломок кормовой плиты и вытащил из кармана горсть разноцветных патронов. Несмотря на бешеные скачки, он выглядел совершенно неподвижным.

– Падай, дурак! – прошипел волосатый. – Завалят!

Сталкер откинул полы, обнажив изящные туристические топорики – вылитые томагавки с пластиковыми рукоятками. Чуть ниже нетерпеливо подрагивали четырехствольные обрезы. Снял правый и зарядил верхние стволы ярко-оранжевыми патронами, а в нижние вогнал ядовито-зеленые.

«Уазик» приближался, несмотря на ожесточенную пальбу. Горожане били по колесам, но шины-баллоны не сдувались, даже будучи измочаленными в труху. Люк приоткрылся, из него, подобно перископу, поднялась труба гранатомета.

– Твою мать, твою мать, твою мать! – скороговоркой выпалил юнец и вжал голову в пол.

– Тормози.

– Сдурел, что ли?!

– Да. Тормози.

– Черт с тобой!

Резина взвизгнула, расчертив асфальт черными полосами. Водила диких оказался тем еще шумахером и вовремя сбросил скорость, но машины едва не столкнулись. До смачного стального поцелуя оставалось метра два, не больше.

– Ты спросил, что я буду делать, – маска исказила голос, сделала жужжащим, металлическим. – Смотри.

Могучая фигура в пудовой снаряге с прытью кузнечика сиганула на капот. Зад «охотника» подпрыгнул, потерял зацеп с дорогой. Враг резво вильнул, норовя скинуть незваного пассажира, но тот стоял ровно, как на земле. Гранатометчик в спешке втянул трубу и попытался закрыть створку, но сталкер подцепил ее топориком и рванул на себя. И разом высадил в щель два патрона. Салон за мгновение до краев наполнился зеленым дымом. Не успел патлатый подумать, на кой травить мужиков в противогазах, как Егор спустил вторую скобу.

Дула изрыгнули белое пламя, и неведомый газ вспыхнул, как сено. Из всех щелей и бойниц с ревом вырвались рыжие протуберанцы. Объятый огнем дикарь потерял управление, резко взял в сторону и врезался в перевернутую «бээмвешку». Ежова швырнуло на обочину, как из катапульты. Сжавшись в комок, он несколько раз перекувырнулся и, как ни в чем не бывало, встал. Рванула граната, за ней – бензобак. В зеркальном забрале заискрился салют из горящих обломков и кусков тел.

Налюбовавшись буйством сполохов, Егор подошел к броневику. Ученый и Спас бережно выносили из кузова шар. Второй умник возился с пробитой лебедкой. В суматохе погони сталкер не сразу понял, что Купол – совсем рядом, и цель достигнута.

Влад уловил спиной цепкий взгляд и обернулся. Они с Егором медленно кивнули друг другу, после чего фигура в плаще беззвучно растворилась в черном дыму.

– Какого хрена на нас напали?! – возмутился Нюхач. – Мир же!

– Мир, сынок, на бумаге. А на деле… сам видишь.

– Я тебе не сынок! Но раз начали тереть за детей, то как там дочурка поживает? Еще не замужем? А то я бы посватался.

Спас выпрямился и расправил плечи. Рядом с ним наглец выглядел голодающим подростком.

– Шутка! – патлатый вовремя дал заднюю. – Забудь.

– Приборам кранты, – исследователь с досады хлопнул крышкой сферы. – Все побились.

– Лебедка тоже сдохла, – отозвался коллега. – На месте не починим.

– Выходит, зря ехали, – вздохнул бродяга.

– Не зря.

Из кабины выбрался Волк. На жилете правее сердца расползалось темное пятно, сплошь усеянное мелкими пузырьками. Старик привалился спиной к борту и зажмурился.

– Аптечку! – взревел Влад. – Быстрее!

– Не суетись, – друг поднял окровавленную ладонь. – Легкое пробито. Нахватался заразы. До дома… не дотяну.

– Лёх…

– Тише. Помоги дойти, – Волк отрывисто кивнул на аномалию. – Если не вернусь – вы знаете, что делать.

Последние шаги до цели Спас тащил напарника на себе. Капитан заходился в кашле, слабея с каждым выдохом, и едва волочил ноги навстречу сияющему куполу. У его подножия сталкеры казались тростинками возле горы, за которой садится солнце.

Здесь царила звенящая тишина. Ни зверь, ни птица не смели тревожить исполина. Только у людей хватало глупости по собственной воле нырять в тихий омут. Но коль надежды нет, то почему бы не рискнуть? И хотя бы перед смертью узнать правду о самой страшной загадке Самары. Пусть поведать о ней никому не получится, но и сгинуть уже не так досадно.

– Уверен? – хмуро спросил Спас.

– Как никогда прежде, – товарищ приподнял маску и смахнул кровь с губ. – Лучше так, чем в канаве или в чьем-нибудь желудке.

– И не страшно тебе…

– Страшно. Но боюсь не сдохнуть… А струсить и не узнать, что там, за белой стеной, – напарник поднял ладонь и широко растопырил пальцы, глядя сквозь них на увитую туманом погибель. – Пусть прозвучит напыщенно и глупо, но я жил как сталкер и умру как сталкер. Кому, как не мне, лезть к черту в пасть? Ну, удачи.

– И тебе, брат.

Друг перекрестился и смело направился к полусфере. Шаг за шагом силуэт становился все тоньше, пока не исчез в сияющем мареве.

* * *

– Суки! Грохнули одного из лучших бойцов! – ревел Майор, нарезая круги у стола. – Сломали оборудование. Похерили «Носорога». Это перемирие? Это перемирие, я спрашиваю?!

– Бугор сказал, это не его люди, – раздраженно ответил Форбс. – Какие-то отщепенцы или сектанты. На Безымянке таких пруд пруди.

– Конечно! И у каждого ушлепка по гранатомету и броневику! Предлагаю прокатиться в гости и угостить их той же малиной. Кто за?

Толстяк откинулся на спинку и сцепил пальцы на безразмерном животе. Док покачал головой.

– Да, мы потеряли Волка. Отличный был добытчик. Исполнительный. Профессионал. Но если развяжем войну – сгинем все.

– Правильно, – делец постучал по виску. – Деньги любят тишину.

Военный сплюнул и махнул рукой.

– А что до этого вашего Купола – то и хрен с ним. Стоит себе – и пусть стоит. Экспедиций больше отправлять не будем – накладно. Но своим туда строго-настрого запретим соваться. Чтоб и на километр, – Форбс сделал ударение на «о», – не подходили.

Пухлая кисть легла под лампу. Следом немедля упала длинная и холеная. Майор долго сомневался, но, в конце концов, дал добро.

Триумвират принял решение.

* * *

Декабрь 2033-го, Самара

Его путь лежал через руины. Новички наивно полагают, что они безмолвны. Гнетущую тишину разбавляют лишь редкие завывания тварей, эхо выстрелов и далекие вопли бедолаг. Брехня.

Подточенные годами и непогодой дома продолжают рассыпаться – медленно, но верно. Где-то падают небольшие куски, где-то оседают целые стены. Порой кажется, будто в паре кварталов великаны играют в бабки. Стук, шуршание и грохот не смолкают ни днем, ни ночью, о тишине можно только мечтать. Услышите, что Самара – город костей, знайте – скелеты под ногами тут ни при чем.

С высоты зимний город похож на ошметки грязного пенопласта, расстрелянного в упор крупной дробью. Внизу же больше напоминает каменоломню. Взрывная волна слизала крыши, тепловая дотла выжгла бетонные коробки на два-три этажа вглубь. Обломки засыпали улицы, похоронив под собой железные гробы – автомобили.

Шагая по завалам, Спас старался не забывать, что топчет останки тех, кого не так давно знал. С кем учился, работал, пил кофе, дружил, ссорился, мельком виделся по пути на службу. Эти воспоминания – бесполезный балласт, но они

удерживали в душе старого бродяги остатки умершего мира, а вместе с ними – и крохи человечности. Те же, кто отторгал их, забывал прошлое и погружался в хаос настоящего, быстро кончали как дикари с Безымянки. Или хуже.

Один умник сказал: любить поверхность можно только из-под земли. Золотые слова. Лишь последний балбес найдет в черно-сером рябящем мусоре красоту и притягательность. Спас как раз из таких, но его толкнула наружу нужда, а не ветер в голове или шило пониже. Он рискует, чтобы его ребенок жил в достатке и каком-никаком уюте. И видит этот ужас каждый день, чтобы ей не пришлось столкнуться с ним. Никогда.

Разглядывая диковинные следы на снегу, мужчина думал о дочери. Восемнадцать стукнуло, а детство все не выветривается. Сталкером стать мечтает, наружу просится… Дуреха. Видела бы, что там творится. Но не увидит. Спас скорее умрет, чем это допустит.

– Папа?

Добытчик вздрогнул и оглянулся. Казалось, пустоглазые дома вот-вот схлопнутся и раздавят чужака, посмевшего вторгнуться в их вотчину, разорвут на части гнутой арматурой.

– Ты уже вернулся?

Звонкий родной голосок звучал отовсюду. Галлюцинация? Здесь возможно всякое. Спас облизнул губы и выдохнул:

– Где ты? Покажись!

– Привет, пап!

Позади хрустнуло. Мужчина резко обернулся и вскинул «Сайгу». У арки стояла Арина – его девочка, его солнышко, его последняя причина жить. Красавица с пушистыми волосами цвета свежего имбиря, густыми бровями и вздернутым носиком. В серых джинсах, толстовке и вязаной шапочке – самых модных во всей подземке, каких ни у кого еще нет. Да, пришлось топать аж в торговый центр на окраине, под крышей которого свили гнезда нетопыри. Вернулся чудом, но чем

не рискнешь ради подарка дочери.

– Кроха? – изумленно пролепетал сталкер.

Кроха – ее прозвище. В мать пошла: метр шестьдесят и худенькая, как тростинка.

– Папа, ты уже вернулся? – тем же тоном спросила она. – Что нового? Как сходил?

Спас тряхнул головой и часто заморгал. Во рту пересохло, сердце билось все медленнее – как перед сном. Арина осторожно шагала к нему, держа руки в карманах и не сводя с него пристального взгляда. Бродяга улыбнулся и опустил оружие. Глаза тоже мамины: зеленые, кошачьи. Однажды взглянув в них, он без памяти влюбился в невзрачную невысокую женщину, пропахшую бумагой и типографской краской.

Какая ирония – выжить после ядерной катастрофы и умереть в родах. Тревожные воспоминания вмиг рассеялись, на душе стало тепло и спокойно, будто он оказался дома. Не в конуре на станции, где и собаке тесно, а в квартире с прекрасным видом на пшеничное поле и березовый лесок в те неуловимо далекие, почти призрачные времена, когда одни лишь безумцы и кликуши грезили о скорой войне.

– Рада тебя видеть.

– Стреляй… – донеслось из арки. Или то просто ветер шумел в обломках? Но вот хрип повторился, разбив сладкоголосое баюкающее воркование: – Стреляй!..

Сталкер вдавил крючок. Грохот эхом прокатился по улице, звякнула по бетону гильза, зашипела в снегу. Морок рассеялся, и красавица превратилась в чудовище. Оно напоминало труп, пару недель пролежавший в сыром подвале. Крупная голова выглядела, как наполовину очищенный грецкий орех. Внизу – почерневший выщербленный череп, вверху – полупрозрачное желтоватое желе, пронизанное толстыми черными венами. Глаз и носа нет, кривые желтые клыки торчат крест-накрест. Говорят, у природы больная фантазия, но по сравнению с радиацией она просто эталон вменяемости.

Тварь взревела, брызнув гноем, и пошла на Спаса, как борец перед броском: широко расставив руки и чуть пригнувшись. На этом сходство с борцом не заканчивалось – такая туша и быка бы завалила. Гнилые жгуты мышц то и дело сокращались, цедя зеленоватую жижу.

Сталкер выстрелил от бедра. Плоть с чавканьем задрожала, но мутант уверенно шел вперед, дробя пятками бетонное крошево. Спас вскинул карабин, прицелился и пальнул в жуткую башку. Студенистая жижа колыхнулась, пара вен лопнула, но чудище и плечом не повело.

– Ух, прорва…

Пятясь и стараясь не споткнуться, сталкер в упор высадил остаток магазина. «Борец» пошатнулся и упал на колено, обхватив лапами живот. Добытчик мог бы уйти, тварь бы ни в жизнь его не догнала. Но старика разобрало любопытство – сколько еще дроби она выдержит? Да и патронов прилично угробил. Получается, зря.

Сунув пустой рожок в разгрузку, он потянулся за новым, и тут слева прилетела богатырская оплеуха. Немаленький такой дядя шлепнулся на задницу, как младенец, и ошалело затряс головой. Раненое чудовище исчезло, оставив позади себя дыры в стене. А настоящее – без единой царапины – уже падало на добычу, раззявив пасть.

Влад только и успел заслониться верным карабином. Клыки впились в цевье и сжали так, что оружие согнулось под тупым углом. Мужчина судорожно сглотнул, во всей красе представив, на что способны челюсти урода. После чего из последних сил вцепился в ствол – последнюю преграду между горлом и слюнявыми зубами. Мутант напряг бычью шею, дернул раз, другой, и смятая, как фольга, «Сайга» шлепнулась на плиту. В отчаянии сталкер вцепился в острый кадык твари, но с тем же успехом он мог пытаться задушить рельсу или фонарный столб.

«Борец» лениво наклонился и цапнул человека за плечо. Тот взревел, задергался и принялся лупить гада ногами, куда ни попадя, но мутант самозабвенно сосал кровь и не обращал внимания на жалкие попытки жертвы спастись. Сознание Влада помутилось, ступни заледенели. Могучая грудь мутанта медленно вздымалась и опадала, словно кузнечные меха, и Спас буквально слышал, как из

него с веселым журчанием вытекает жизнь.

– Пап, ты в порядке? Бледный какой-то…

Мужчина моргнул и увидел Арину. Девушка сидела подле него и гладила по щекам. От нежных касаний душа успокоилась, скованные мышцы расслабились. Он словно оказался на мягкой постели под толстым одеялом. Рядом дочурка, в углу пышет жаром печка, впереди – заслуженный отдых после долгого и опасного похода.

– Все хорошо. Не переживай, – успокаивал морок. – Спи. Завтра рано вставать. Возьмешь с собой?

Спас нахмурился и заскрипел зубами, аж эмаль посыпалась.

– Я же говорил, что!..

Внезапно накатившая ярость прояснила разум. Чудище знатно просчиталось, вынув из памяти именно эти слова. Ничто на свете так не злило старика, как просьбы дочки разрешить ей прогуляться наружу. Ну, хоть на часок. Ну, хоть на минуточку. Ну, хоть у ворот постоять…

– Нет, нет и еще раз – нет!

Бродяга выхватил кинжал и по самую гарду вонзил в венозный студень. Тугая струя сукровицы выбила клинок из раны. Тварь вскочила и, рыча на всю округу, обхватила раздутую репу, чем сделала еще хуже. Уж сколько всякого повидал добытчик, но от такого зрелища желудок скрутило в бараний рог. Башка гада превратилась в проколотый прыщ, из которого вываливались комки гноя вперемешку с сукровицей и сочно шмякались на камни. Дрожа от отвращения, Влад выбрался из-под урода, поднял нож и вскрыл нарыв от затылка до темени. После чего приподнял маску, и его обильно вырвало.

Бой длился меньше минуты, но Спас пропотел насквозь и трясся, как после марафона. Еще немного – и сердце бы не выдержало. Перевязавшись, сталкер на едва гнущихся ногах вошел в арку. Открывшееся зрелище потрясло еще сильнее, чем схватка, хотя, казалось, куда уж хуже.

Тесный двор-колодец был по колено завален изрубленными и разорванными дробью мутантами. Гниющие упыри валялись кучами в самых разных позах, сверху их усыпали отсеченные и отстреленные конечности. Воняло, как из разрытого скотомогильника.

Бродяга и представить не мог, сколько же здесь гадов. Два десятка? Три? Но самое главное – кто их всех покрошил? Кто не поддался внушению? Кто сразился с целым выводком? Да тут и роты спецназа не хватило бы!

– Уважаемый, не могли бы помочь? – вновь раздался хриплый голос.

Влад вздрогнул и огляделся. Откуда звук?

– Я здесь. На втором этаже.

Из окна, насадившись икрой на ржавый прут, вниз головой свисал человек в кожаном плаще. Плащ задрался, отчего издали страдалец напоминал спящую летучую мышь. В левой руке он сжимал топорик, в правой – спаренный обрез двустволки. С такими приблудами ходил лишь один боец во всем метро. Догадку подтверждали пронзительные льдисто-голубые глаза с безумными искорками, отчетливо поблескивающие сквозь треснутое стекло противогаза.

– Егор? – удивленно пробормотал Влад.

– Привет! – бодро ответил Ежов, словно встретил приятеля в баре. – Пожал бы руку, но, боюсь, не дотянусь.

– Сейчас… – мужчина захромал к подъезду.

– Не споткнись! – бросил вслед соратник.

– Обо что?.. Ух, ты ж, еж твою медь…

Вход, ступени и пролеты сплошь покрывали изуродованные тела. Туши свисали с перил, теснились в прихожих, набились в шахту лифта, как протухшие бычки в банку. Поднимаясь, Спас пытался их сосчитать, но сбился на второй дюжине.

На черном фоне отчетливо виднелись гильзы двенадцатого калибра. И никаких других следов большого отряда. Ничего такого, что позволило бы сказать – да тут сражалась целая армия! А только ей по силам зачистить улей необычайно сильных мутантов, да еще и капающих на мозги. Выходит, Егор дрался сам. Да уж… Об этом сталкере ходили самые разные слухи. Одни были похожи на байки, другие – на пьяное бахвальство, третьи – и вовсе на горячечный бред. Если хотя бы малая толика из них – правда, то становится понятно, почему к нему так относятся.

Когда Спас втаскивал Ежа в окно, тот даже не поморщился. Ухватившись за стену, рывком снял распухшую голень с ребристого штыря толщиной с палец. Постоял немного с широко разведенными руками и нетрезвой походкой заспешил к лестнице.

– Ты куда?! – в сердцах крикнул Влад. – Посиди хоть!

– Посиди-посиди… – донеслось с лестницы. – Некогда.

Бормотание потихоньку перетекло во двор.

– Малыш, ты где? Куда подевался? Помню, тут лежал. Или там?

«Крыша поехала, – подумал Влад, выглянув наружу. – Какой еще малыш?»

Егор увлеченно копался в горе трупов, пока не отрыл второй дробовик – точную копию первого.

– Малыш! Вот ты где! Уж думал, придется новый пилить.

– Долго висел-то? – спросил мужчина.

– Не знаю, – Еж протер оружие полой плаща. – Успел сочинить две песни, рассказ и повторить задом наперед «Анну Каренину». Кстати, так она гораздо интереснее. Выходит… часа полтора. Может, меньше. Или больше. Какая разница?

Он закопался в дохлых тварей чуть ли не по пояс и вынырнул с брезентовым рюкзаком, на котором красовалось странное синее существо в красных кедах. Достал аптечку и, наконец, принялся за рану. Спас невольно вздрогнул, представив, сколько заразы туда попало. Но парень был весел, бодр и тихо насвистывал, втыкая в ногу шприц за шприцом.

– Я – Влад, – сталкер решил разбавить неловкое молчание. – Мы ездили к Куполу недавно. Помнишь?

– Помню. С Театральной, верно? Еще дочурка есть, махонькая такая. А почему тебя Спасом кличут? Если личное – не отвечай. Мне так-то все равно, праздное любопытство.

– До Войны в МЧС служил.

– Понятно. А я – Еж, потому что фамилия Ежов.

– Ну да… – пробормотал Влад. – Логично.

Он отвел взгляд, когда спутник начал штопать дыру в ноге. Будто зашивал не собственную плоть, а рваный мешок – размашистыми кривыми стежками.

– Что это за твари? Никогда таких не видел.

– И не увидишь, – Егор усмехнулся. – Последнего добил. Я назвал их психоморфами. Звучит, а?

– Да… умно.

– Вот что, Влад-Спас. Выручил ты меня крепко. Кто знает, сколько бы еще книг пришлось повторить задом наперед, если бы не ты. Ведь далеко не все хороши в обратном порядке. «Анна Каренина» – шик, а вот «Дети капитана Гранта» – полный отстой. Пробовал однажды… ну да ладно, зачем былое вспоминать? Помощь я ценю, быть в долгу не люблю. Вот тебе магарыч.

Он протянул гайку на куске медной проволоки.

– Хм… – мужчина подбросил щедрый дар на ладони. – Благодарствую. До метро проводить?

– Рано. Еще столько дел!

– С твоей-то ногой?

– А что нога? – Еж встал и отряхнулся. – Нога – не голова. От дыры в ноге еще никто не умирал. Наверное… Ну, я уж точно не умру, не волнуйся. Ох, штанину прихватил… Ну, ничего, шов так даже крепче. Может, это тебя проводить надо? Выглядишь неважно.

– Справлюсь как-нибудь.

– Ну, дело твое, – Егор взял рюкзак и потопал к арке. – Помни – за мной должок. Только свистни – Еж появится. Кстати, это тебя психоморф тяпнул?

Спас кивнул.

– Кровь проверь, а то вдруг бешеный попался. Пока!

Влад посмотрел на гайку, перевел взгляд на горы трупов, потом снова на гайку. И сунул в карман.

Глава 2

О свиньях и людях

Nota bene: надо сразу отдавать таблетки в больничку, а не испытывать на себе.

Егор Ежов, «Ежовые заметки»

Отряд сталкеров напоминал космонавтов из старых фантастических фильмов. Тяжелая броня, раздутые рюкзаки и закрытые шлемы – ну, чем не скафандры?

Погруженная в полумрак станция – нутро звездолета. Гермозатвор – люк, отделяющий храбрых первопроходцев от суровой и опасной планеты. Картину портил лишь один чужеродный элемент, подозрительно выделяющийся среди рослых крепких мужиков.

Чуть ли не вполовину ниже и раза в три тоньше, он казался ребенком, решившим поиграть в бродягу. Ну, кто еще, скажите на милость, натянет вязаную шапочку на древний советский противогаз? Кто в здравом уме напялит химзу до колена и закатает по локоть слишком длинные рукава? Кто обует заклеенные изолентой резиновые сапожки ядрено-розового цвета?

Пришедшие проводить добытчиков тихо посмеивались, глядя на мнущееся в конце строя чудо. Начальнику же было не до шуток. Толстый усач в камуфляже баюкал на ладони прилежно разлинованный журнал, куда вносились позывные, районы и время ходок. Чтобы знать, где искать пропавших, и чьим семьям слать похоронки. Усача звали Сивым, хотя даже далекие от культуры и такта ребята величали его не иначе, как Сявой. За спиной, понятное дело. Начстан славился крайне мерзким характером, врожденной злопамятностью и обостренным синдромом вахтера. С таким ссориться – себе дороже.

– Джигит. Набережная. До вечера, – с легким восточным говором сказал первый в очереди.

Сивый смерил его сердитым взглядом исподлобья, пошевелил усами и буркнул:

– Дальше.

– Камаз. Центр. До утра.

– Седой и Грива. Вокзал. До обеда.

Толстяк с важным видом скреб пожелтевшую бумагу огрызком карандаша. Настал черед карлика в розовых сапожках. От увиденного мохнатые брови мужичка тут же сошлись на переносице, отчего показалось, что у него выросли вторые усы – над злобными свинячьими глазками.

– Ты еще кто? – Сивый кашлянул в пудовый кулак и рявкнул в толпу: – Чей ребенок?!

Народ перешептывался, разводил руками, хихикал.

– Я не ребенок, – ответил карлик, старательно бася. – Я – сталкер.

– Да неужели? И как звать?

– Кро…т.

– Крот? – начальник перевернул страницу. – Не помню никаких Кротов.

– Я… с другой станции.

– Да? И с какой?

– С Центральной, – последовал неуверенный ответ.

– Что еще, блин, за Центральная? Нет такой станции! А ну, снимай маску!

Огнеметчики отлипли от ворот и шагнули к незнакомцу. Сталкеры вскинули стволы, Сивый хлопнул по кобуре с редким и очень дорогим «Глоком». Как ни крути, какие соглашения ни заключай, а годы войны не перечеркнешь парой подписей. Люди привыкли к постоянной угрозе и никогда не забывали об осторожности, которая, по их оправданному мнению, не бывает излишней.

Коротышка обреченно свесил голову и подчинился. Из-под серой резины брызнули светлые пряди.

– Кроха! Чтоб тебя!

Собравшиеся захохотали в голос, но Сивый смотрел на девушку с нескрываемым раздражением.

– Вот овца! Из-за тебя выход задержали! Парням каждая минута – как воздух, а ты цирк устроила! Все отцу расскажу. Даст ремня – будешь знать. А теперь – марш на ферму. Сталкер, блин, доморощенный. Еще раз увижу – в карцер кину. Не погляжу, кто твой родич.

Под смех и шуточки девушка отправилась восвояси с твердым намерением повторить попытку завтра.

– Вырастил, елки-палки. Не баба, а пацан какой-то, – проворчал толстяк и махнул рукой. – Открывай!

Дозорный дернул рубильник, под потолком вспыхнул оранжевый маячок, на миг опередив протяжный вой сирены. Многотонный затвор со скрежетом и лязгом пополз вверх. Привыкшим к полумраку выжившим казалось, что из растущей щели бьет ослепительно яркий свет. Они потихоньку пятились, щурясь и заслоняя бледные лица ладонями.

Снаружи ждали бродяги, среди них был и Спас. Бойцы кивали сменщикам и желали удачи. Рук не жали.

– Влад, твоя дочь опять… – начал отповедь Сява и запнулся на полуслове. Свиные глазки округлились, вытаращились, и усач едва слышно произнес: – Кто это тебя?

Спас молча неровной походкой зашагал к лазарету.

* * *

Лазарет на Театральной – самая настоящая клиника. В хорошем смысле. Станция конечная, или, как говорят жители – крайняя. Платформа длинная, поэтому вместо обитого целлофаном закутка – просторный вагон с красным крестом. Десять коек, электричество, бойлер и отдельная палата для шишек из Бункера. Лучше не сыскать во всем метро.

А все потому, что неподалеку от станции руины первой городской больницы, откуда сталкеры успели вынести не только лекарства, но и кое-какие приборчики. Так что лазарет является гордым и, пожалуй, единственным

обладателем кардиографа, энцефалографа и многого другого с «графом» в окончании. Заведует сим великолепием Семен Алексеевич Маслаев, также известный как Док. В прошлом – главврач той самой больницы.

Это сухопарый седовласый мужчина с козлиной бородкой, в очках без оправы и с замашками аристократа. Царственная осанка, благородный разговор и левая рука за спиной в любой беседе – хоть с ученым, хоть со свинопасом. Черт знает, где он набрался этой манерности. Наверное, этикет для него – такой же якорь, как для Спаса – память об ушедших. Держит в тихой гавани человечности и не дает сорваться в безудержный водоворот нового мира. Семен даже чай пьет, оттопырив мизинец. Только тросточки, котелка и пенсне не хватает для полного образа джентльмена из туманного Альбиона. Но белый комбез на работе удобнее, а званых вечеров и пышных приемов в подземке никто не устраивает.

Собственно, Дока и прозвали Доком из-за несгибаемой привычки держаться по-английски. Доктор – звучит гордо, насыщенно, жаль, простой люд любит сокращать все подряд. С другой стороны, пусть лучше так. А то могли бы просто Врачом величать. Коновалом. Айболитом. Или того хуже – Эскулапом. Так что привычка не такая уж и бесполезная, какой кажется на первый взгляд.

Прежде он работал хирургом, а теперь – и терапевт, и медбрат, и стоматолог, и ревматолог, и патологоанатом. Пациентов, по понятным причинам – выше крыши, а Док – один. Сначала ему помогали женщина-окулист и парнишка-интерн. Первая недавно умерла от рака, второго убили дикие. Дел навалилось немерено, но с тем, что творилось сразу после Катастрофы, не сравнить. Тогда к пострадавшим от радиации, бактерий и химии очень скоро добавились порезанные, подстреленные и отравленные самогоном. Вслед за ними подтянулись недуги, раз и навсегда поборотые в погибшем мире. Конец Света стал отличным поводом вновь напомнить о себе для дряни вроде чумы, тифа и оспы.

Приходилось в невозможной спешке купировать очаги заразы, порой прибегая к отчаянным, отвратительным, но необходимым мерам. И буквально с нуля создавать вакцины. Когда напасть утихла, на прием валом пошли укушенные, подранные и зараженные тем, о чем прежде никто и слыхом не слыхивал. И вместо подготовки смены Док дни и ночи учился сам. Исследовал, изыскивал, испытывал – зачастую с большим риском для испытуемых. Но риском оправданным: без Семена и его больницы-лаборатории метро давным-давно превратилось бы в рассадник смертельной заразы.

Награда недолго искала своего героя. Бункер высоко оценил таланты медика, а там, где дружба с властью – там и деньги, и приятные бонусы, а вскоре – и сама власть. Беречь умельца и обеспечивать уют жизненно необходимо – в самом что ни на есть прямом смысле. Очень скоро местные бонзы подогнали ему второй вагон. Официально – для нужд науки. По факту – для личного удобства. А чуть позже – и кресло за столом с красным телефоном.

Сталкеры – самые частые гости лазарета – тоже не оставались в долгу. Как и обычные жители. Отблагодарить спасителя – дело благое, поэтому богатством Док вполне мог поспорить с самим Саввой. Оставалось лишь гадать, как в бесконечной кутерьме с запахом гнили и формалина Семен успел сдружиться со Спасом. Возможно, причина была в возрасте – оба разменяли шестой десяток, отлично помнили старый мир и наверняка находили, о чем поговорить. А может их сблизило иное: медику и опытному добытчику просто грех было не завести взаимовыгодное знакомство.

Так или иначе, они стали добрыми приятелями. И Док, едва увидев бледного и дрожащего бродягу, сказал без обиняков:

– Старик, ты выглядишь хуже, чем лопнувший бубон.

Влад разделся до пояса и лег на кушетку. Несмотря на годы, он был крепок и подтянут. Впрочем, ничего удивительного. Знаете, как называются рыхлые и слабые сталкеры? Закуска.

– Ничего себе, – Док присвистнул и поправил очки. – Крокодил цапнул?

– Если бы, – пациент поморщился. – Какое-то дерьмо с соплёй вместо башки. Никогда таких не встречал.

– Да… Очень много в наши дни, – Семен невесело хмыкнул, – неопознанной фигни…

Друг шутку не оценил и обреченно произнес:

– Сказали, она может быть заразной.

– Кто сказал? – спокойно спросил врач, копаясь в ране ланцетом.

– Еж, – Спас с каменным лицом пялился в потолок и, казалось, ничего не чувствовал.

– Егор? Сто лет его не видел. Думал, сгинул давно.

Гость фыркнул:

– Мне бы так сгинуть. Замочил целый выводок этих уродов. В одно рыло.

Док даже бровью не повел. То ли всецело сосредоточился на работе, то ли похождения Ежова его нисколечко не удивляли.

– Значит у него все, как обычно, – пробормотал он, накладывая шов.

– Как обычно – это как? Что ты вообще слышал о нем?

– Немногое. В основном – байки и небылицы. Иногда – анекдоты. Но если хотя бы парочка из них – правда, то у нашего чокнутого города – еще одна неразрешимая загадка.

– Откуда он такой взялся?

– Говорят, оттуда, – Семен многозначительно кивнул на потолок.

Спас нахмурился.

– В смысле?

– В прямом. Мол, не человек он вовсе, а пришелец. Инопланетянин, стало быть.

– Серьезно?

– Ну, если веришь в бредни «космонавтов» – то да.

– Я уже не знаю, чему верить. А более вменяемые версии есть? Приземленные.

Док поднял иглу к плафону и взялся крепить новую нить. Его голос стал вкрадчивым, таинственным:

– Вменяемых, увы, нет. Сказки и вменяемость – вещи, так сказать, взаимоисключающие. Одни болтают, он ангел господень, спаситель подземки. Другие – сам Сатана, погибель несущий. Третьи обвиняют в колдовстве и темной магии. Про то, что Егор – мутант, знают, наверное, даже свиньи.

– А он – мутант? – насторожился Влад.

– Вряд ли. Рога и копыта еще не проклюнулись. А в наших палестинах они растут очень и очень быстро, – Семен помолчал немного и продолжил: – Есть еще занятная байка: мол, он и не человек вовсе, а нечто вроде духа или призрака. Не добрый и не злой, не белый и не черный, а будто сама суть метро: какое оно – такой и он. Аватара. Ипостась. Ну, это уже совсем мистика, хотя о родителях его никто не слышал, и откуда такой кадр взялся, не совсем понятно. Помнишь Кочергу?

Товарищ тяжело вздохнул.

– Помню. Жалко мужика. Достойный сталкер был.

– Тебе виднее. Перед смертью он бредил о том, что Еж проклят вечной удачей.

– Это как?

– Без малейшего представления. Но я бы не отказался от такого.

– А жить не наскучит?

– Почему же?

– Неинтересно как-то, если все у тебя получается. Духа авантюризма нет.

– Вопрос философский, – Док смочил компресс перекисью. – А я не философ. Чего тебе вообще дался этот Еж? Он же бахнутый на всю голову.

– Да так… просто. Слушай, проверь кровь, а?

Семен размазал каплю крови меж стеклышками и прильнул к окуляру микроскопа. Нахмурился, покрутил колесико и нахмурился пуще прежнего.

– Что там, Сема?

Друг не ответил, и это молчание было красноречивее любых слов. Что-то там все же есть. Осталось выяснить, как скоро это что-то его прикончит.

– Ну? Не томи.

– Подожди.

Ждать бродяга не мог. Ждать можно, когда неясно: ангина или насморк. А когда выбор из дерьма и полного дерьма – спокойно не полежишь.

– Еж сказал, твари разносят бешенство. Точнее, разносили. Он же всех перебил… – Влад усмехнулся. – Вот же повезло нарваться на последнего заразного.

– Бешенство? – врач приподнял бровь. – Если это и бешенство, то весьма атипичное.

– И что со мной будет? Начну кидаться на всех с пеной на губах?

– Наоборот, – холодно сказал приятель. – Тебя ждет недолгая вегетативная жизнь.

– Какая-какая?

– Овощем станешь. Судороги, водобоязнь, потеря памяти, паралич. Два-три дня – и на вынос.

– И никаких шансов?

Врач снял очки и потер вспотевшую переносицу.

– Прости.

– Ты-то тут при чем? – Спас кисло улыбнулся. – Карандаш и бумага есть?

* * *

Арина не любила свиней. Живут по колено в грязи, жрут помои, в загонах ни лечь, ни развернуться, но за долгие годы ни одна хавронья не отважилась сбежать. Хотя тонкие жердочки и гнилые доски при всем желании не сдержат натиск огромной туши. Даст пятаком – и вот она, свобода. Да, дерзкое сало тут же поймают, но коль итог един, то почему бы не рискнуть?

А свиней все устраивает. На чумазых рылах застыли улыбки, глазки задорно блестят. Хрюши с радостью встречают новый день, хотя прекрасно понимают, чем все кончится. Когда будущей похлебке вбивают штырь в сердце, соседи безучастно жуют мусор и дергают ушами при особо громких визгах. Мол, подыхай потише, приличные чуньки кушают.

Бекон давно смирился с неминуемой участью и терпеливо ждал своей очереди, не пытаясь что-либо изменить. Сравнения напрашивались сами собой, но Кроха упорно гнала их прочь. Девушка свято верила, что люди не такие, что добро сильнее зла, а все беды – от недопонимания. Дочь сталкера просто не могла терять надежду, ведь любой поход отца мог стать последним. Страх за любимого человека не давал окунуться в рутину и наслаждаться сытой повседневностью. Без веры в свет в конце туннеля быстро сломаешься и сойдешь с ума.

Бунтарка жила на спокойной богатой станции и слышала об ужасах метро лишь от торговцев и бродяг. Она не видела поверхности, но знала о ней куда больше, чем положено девчонке с фермы. Спас с детства запретил ей даже думать о мире за тяжелыми створками гермоворот. Но запретный плод сладок, и ребенок волей-неволей интересовался чуждой и крайне опасной вотчиной. Невысокая хрупкая куколка грезила о землях смерти и чудовищ, куда боялись сунуть носы

матерые бородатые мужики. Она стремилась быть рядом с отцом, если (а точнее – когда) тому понадобится помощь.

Невыносимо было каждый вечер сидеть и гадать, придет ли он на ужин, или сам им станет. Пока Владу везло, но от многих его соратников удача уже отвернулась. Кроха не знала ни одного сталкера, умершего от старости в кругу родных и близких. Рано или поздно натянутый до предела конский волос лопнет, и дамоклов меч настигнет единственный смысл ее жизни. Арина убеждала себя, что сможет увести папу из-под удара. Главное – постичь азы, и раз все отказались ее учить, значит, она научится сама. Она собирала инфу по крупицам, подслушивая болтовню в баре и тайно наблюдая за бродягами. Могла назвать самых опасных мутантов и их повадки, знала, как защититься от заразы, как подать сигнал своим и распознать врагов.

Пока ровесницы выбирали мужей или готовились рожать, Арина в уме повторяла, с какой стороны у «калаша» предохранитель, как правильно упереть приклад и на какую ногу переносить вес. Что брать в поход, а без чего можно обойтись, что надевать и в какую сторону идти. Но одно дело – знать, а другое – мочь. Без практики ее скупые навыки не стоили и свиного помета. Жаль, никто не разделял ее стремлений. Более того – всеми силами отговаривали.

Лучше прожить десять лет, как свинья, чем день – как сталкер. Лучше терпеть, чем рискнуть. Лучше ужас без конца, чем ужасный конец. Попытка хуже пытки. Вот пословицы нового мира, где все вверх тормашками. Арина понимала их, но наотрез отказывалась принять. А что вообще лежало за гранью здравого смысла – так это непреодолимая тяга обращать всех в свою веру. Несогласных же объявлять отступниками, еретиками и жечь на костре всеобщего порицания.

В книгах, которые приносил отец, порой встречались истории о вампирах. Эти существа не просто алкали свежей крови, они хотели сделать всех себе подобными. Но если останутся одни вампиры, чью кровь они будут пить?

Если все забудут о сталкерстве, кто станет рисковать, чтобы «такие, как все» не загнулись от глистов и не подтирались пальцами? Кто достанет мыло, бритвы и порошки, чтобы обыватели не разлагались заживо в сопревших лохмотьях, пожираемые блохами и вшами? И кто двадцать лет назад принес в подземку поросят и лотки с грибами, включил турбину и вскрыл военные склады, чтобы уцелевшие в последней Войне не загнулись в ближайшем будущем?

Может, стоит перестать из зависти называть придурками всех, кто сильнее и отважнее? Или хотя бы учтиво помолчать, а не изливать на них желчь? Куда там. Но в глаза весь этот яд не выскажешь. Для этого нужна смелость на грани безумия, какой у порицателей нет и никогда не будет. Зато оторваться на той, которая не даст сдачи – это всегда пожалуйста. Многие знали, что Кроха не пожалуется отцу. Сталкеры не бегают плакаться в жилетку, это выше их достоинства. Вот работницы и веселились на всю катушку, не стесняясь в выражениях.

– Ну, как сходила? – ехидно спросила Ольга, рыжая бабища лет сорока, выглядевшая на все шестьдесят. И дело было не в тяжелой жизни, а в крепком пойле.

– Чего добыла? – хихикнув, полюбопытствовала Маша, одногодка Арины, гнилозубая и смердящая, как тухлая селедка. Бродяги, конечно, обеспечат и мылом, и гелем для душа, и пастой со щеткой, но следить за собой насильно не заставят. А надо бы, пока красавица не заразила станцию чесоткой, паразитами или чем похуже.

– Надеюсь, мужика, – хмыкнула Анька по кличке Пулеметчица. Нет, оружия она отродясь в руках не держала, но за скромную плату строчила всем желающим, как из пулемета. Несмотря на внешность Бабы-Яги, охотников пострелять находилось немало. Как говорится, умелые руки всегда в цене.

Кроха молча принялась за работу. Давно уяснила себе – спорить бесполезно. Проще переубедить камень, чем живущих одним днем и трясущихся лишь за самих себя. Данте написал над входом в ад: «Оставь надежду…». То же изречение смело можно было вешать в свинарнике.

– Баба-сталкер, – хмыкнула Ольга. – Кому сказать – обхохочутся.

– Вот-вот, – поддакнула Яга. – Не бабье это дело – наверху шастать. Дома сидеть надо, за очагом следить.

Грязнуля гнусаво угукнула, испустив зловонный миазм, от которого не спас бы и противогаз. Кроха однажды сама убедилась.

– Наша доля – деток рожать, – продолжила пьяница. – А то вымрем, как мухи.

– Вот-вот. Захватит нас Безымянка – и все. Станем заложницами у ихнего бугра. Или наложницами? Заложницы, наложницы… какая, блин, разница. Главное – худо будет. А бродяги – конченые. Ума нет – вот и прутся на верную смерть. А кто нас любить-беречь будет? От дикарей защищать?

– Верно, подруга, – охотно согласилась рыжая. – Умный мужик головой зарабатывает, а дурак мутантам хвосты крутит. Взять Дока нашенского – никогда снаружи не был, а целый вагон получил. И все твои сталкеры – герои сраные – к нему на поклон бегают, подачки носят. На кой своими руками жар загребать, если чужих полно?

– Угу, – сказала Маша.

Кроха как-то читала в журнале про старые фильмы о Трусе, Балбесе и Бывалом. Ей же повезло трудиться с Чушкой, Синькой и Шалавой, которые тоже строили всякие козни. Сильно пакостить побаивались, но нытья и безнадеги выливали ушат за ушатом, изо всех сил пытаясь потушить огонек надежды и отбить всякое желание стремиться и действовать. Иначе говоря – превратить в себе подобных, как те вампиры.

Поразительно, но даже несмотря на косные умы и заплесневелые душонки, Арина не считала женщин такими уж плохими. Она искренне верила, что свет горит во всех, просто одни сияют ярко, как плафоны в лазарете, а другие тускло – словно далекие костры дозорных.

Кроха видела звезды лишь на картинках в рваных пыльных книгах. Из них же знала, что махонькие искорки в ночном небе – на самом деле такие же большие, как Солнце в полдень (с которым, к слову, девушка тоже была знакома лишь заочно). А многие – в сотни и тысячи раз больше. Справедливо ли судить о них с Земли, откуда почти все они кажутся одинаковыми, особенно если смотреть невооруженным глазом. Так и с людьми. Те, кто далек от тебя, могут показаться злыми и неприветливыми. Но, сблизившись, обернутся совсем другой стороной.

Взять, к примеру, один поучительный случай. Арина вырастила из нежного розового поросеночка целую гору сала с толстенной волосатой шкурой. И все это время считала ее чуть ли не своим домашним питомцем, даже имя придумала – Хвостик. И вот однажды хозяйка протянула любимице кусок грибного хлебца, а та и хряпнула за пальцы, будто голодный бегемот.

Ольга, которую Арина прежде считала самой трусливой, яростной львицей накинулась на обидчицу и хлестала лопаткой по рылу, пока та не разжала пасть. Грязнуля наложила шины, да так умело, что сам Док похвалил. Сказал, если бы не Маша, на гитаре тебе не играть. А мелочная и жадная Анька безропотно помогала с работой целый месяц, пока не сняли гипс. И ничего не потребовала взамен, хотя Спас мог принести снаружи любую вещь. Тогда-то девушка нашла подтверждение тому, о чем читала с детства: каждый способен на добрые поступки. И осознала, что даже близкий друг запросто может укусить.

К сожалению, она еще не сталкивалась с напрочь прогнившими мразями, по сравнению с которыми Чушка, Синька и Шалава выглядели просто агнцами божьими. Но все когда-нибудь бывает в первый раз.

– За монтера надо выходить, – продолжила Ольга.

– Или за барыгу, – подсказала Анька.

– Да, у них патронов навалом. Будешь в шелках, как в долгах… Или как там? – Рыжая почесала прыщавый лоб.

Арина фыркнула.

– Ты, малая, не серчай. Мы ж о тебе печемся. Наш век, считай, кончился, а твой только начинается. Ты красавица, сам Савва сосватает. Будешь жить – не тужить да детишек растить. А то думаешь о херне всякой. Далась тебе эта поверхность. Там одни чудища и говно.

– Угу, – поддержала беседу Мария. – Не дуркуй.

Кроха взяла совочек, ведро и стала выгребать из-под свиньи навоз. Удобрение отправлялось в лотки с грибами – безотходное, так сказать, производство. Хавронья, почуяв под брюхом свободу, утробно хрюкнула и навалила свежую кучу, едва не попав девушке на руку. Арина поймала себя на мысли, что даже от этого тошнило меньше, чем от слов работниц. Ведь дерьмо из загона выгрести легко, а из башки – почти невозможно. И тем не менее, в ней теплилась надежда изменить хоть что-нибудь в лучшую сторону.

Глава 3

Шило в булке

Но вдруг врач ошибется, и кто-нибудь из ежей умрет?

Егор Ежов, «Ежовые заметки»

Получив паек, Арина сразу пошла на рынок. Свой заработок она тратила, как хотела. Отец наивно полагал, что на шмат сала и кулек сушеных грибов особо не развернешься. Потому и не лез в «карманные расходы» дочери. Что же: снаряга собирается медленно, но она собирается. Многие с радостью меняли еду на какой-нибудь хлам, с первого взгляда совершенно бесполезный, но в умелых руках превращающийся в ступеньки, по которым беглянка однажды таки выберется на поверхность.

За пару лет девушка купила все необходимое для вылазки, кроме оружия. Даже ржавая рухлядь и кустарщина стоили очень дорого, но Кроха не унывала и день за днем копила патроны. Еще месяц-два – и «Форт» или «Глок» в кармане. Заезжий мастер без лишних вопросов навесит на него приклад, прицел и тактическую рукоять. Со скидкой еще и на глушитель хватит. Получится отличная пушка – как раз по руке. Такой и человека спугнешь, и от мутанта отобьешься. По крайней мере, так думала Арина.

Когда ей было четырнадцать, приятеля выпороли за журнал с голыми красотками. В то время девушка и не думала, что вскоре получит страшную взбучку за «Охоту» под матрасом. До ремня, слава богу и отцовской выдержке, не дошло, но после этого девочка часто находила свои вещи в легком беспорядке. Наученная горьким опытом, она устроила схрон подальше от дома. Пару раз его чистили какие-то шныри, но самое главное – Влад понятия не имел, где находится тайник. Хотя догадывался, что он есть. Но на вечерних допросах Кроха молчала, как пленная партизанка, вот и пришлось просить начстана усилить проверки на входах и выходах. Пока мера работала, но девушка не оставляла попыток увидеть поверхность хотя бы одним глазком.

Станция жила в привычном распорядке. На платформе в два ряда вытянулись палатки, слившись в разноцветную кривую стену. Бок о бок стояли советские брезентовые пирамидки, дачные шатры и пестрые купола из китайской синтетики. У самых путей примостились торговцы, развесив полки прямо на колоннах. Угрюмые мужики молча сидели на ящиках, изредка болтая с покупателями. Никто не орал, не зазывал, не спорил. Хабар на виду: надо – бери, не надо – иди своей дорогой. Местные старались шуметь поменьше. От постоянного гула в тесной бетонной кишке можно свихнуться. К тому же, кое-кто верил, что гомон рано или поздно приманит непрошеных гостей.

Вдоль палаток бродили уборщики. Театральная была хорошо освещена, вся грязь как на ладони. Поэтому за чистотой здесь следили особенно строго – прямой указ Саввы. И так все – как поросята, а если еще и гадить под ноги начнут, то новой чумы не избежать. За брошенный окурок или плевок человека на месте приговаривали к метле и швабре. И не важно, ребенок или старик, сталкер или свинопас, свой или пришлый.

Перед походом на рынок Арина частенько заглядывала в бар. Неподалеку от затвора дядя Рашид выкатил три катушки от телефонного кабеля, поставил вокруг табуретки – и обеденный зал готов. Большущая красная палатка в углу считается гостиницей, но за отдельную плату в ней можно снять не только койку.

Волосы под шапку, капюшон поглубже – маскировка готова. В джинсах, толстовке и с выпачканным лицом Кроха сильно смахивала на пацана, чем отводила от себя ненужное внимание. В баре было мало людей, и радушный хозяин не гнал гостью, хотя та ничего не заказывала. Прячась в тени, она подслушивала болтовню бродяг и украдкой разглядывала ближайшие лотки. Шастать по рядам не любила – вблизи могли узнать. Заметив нужную вещь, без торга меняла на паек и растворялась в провонявшей потом и дымом толпе.

– Что?! Мне? Слабо?!

Девушка вздрогнула и глубоко вдохнула, пытаясь унять колики под ребрами. Мимо прошла троица подвыпивших добытчиков и приземлилась за соседним столом. Под обреченным взглядом Рашида выставили самогон и простецкую закуску. Со своим как бы нельзя, но сталкеры – народ лихой, а под мухой – и того хуже. Перечить им – себе дороже, и это еще одна причина, почему Арина так хотела приобщиться к неприкасаемой и в то же время весьма уважаемой касте.

Она опустила голову и навострила ушки, стараясь ловить каждый звук.

– Ни хера мне не слабо! – крикнул один. – Это вам слабо!

Соратники переглянулись. Кроха видела лишь их широкие спины, но чуяла, что мужики посмеиваются над перебравшим товарищем.

– Мне ничего не слабо! Вот завтра же пойду на Дохляк!

– Ага. Рядом постоять и вон тот пацан сможет.

Кроха чуть не дернулась, поняв, что говорят о ней. Только бы не подсели и не начали донимать. Сталкеры, как никто другой, любят поучать салаг и рассказывать обывателям о своей опасной жизни. Пару раз уже нарывалась на приставучих алкашей – пришлось бежать быстрее пули.

– Издали любой дурак – мастак. А ты внутрь зайди.

– И зайду! – взревел добытчик, до глубины души обиженный неверием спутника.

– Шпага, хорош подначивать! – цыкнул самый трезвый – судя по властному голосу, командир отряда. – Совсем сбрендил? Не хватало только в Дыре сгинуть.

– Все равно пойду! – не унимался пьянчуга, разгоряченный градусом и спором.

– Пасти завалили. Оба, – строго произнес вожак. – Даже думать об этой херне не смейте. Не то так отх… отхожу, что за хабаром на костылях поскачете.

Спорщики умолкли.

О каком-таком Дохляке шла речь? И почему туда нельзя? Неужели и у вольных пташек есть свои запреты?

От размышлений отвлек скрежет туннельного гермозатвора. Народ у бара напрягся, потянулся к оружию. Дозорные, конечно, не дремлют, но мало ли что?

Створка отошла, однако никто не спешил появляться из мрака. Только слышалась негромкая ругань. Из всех слов Кроха разобрала от силы три, да и то матерных. Наконец, все стихло, и на станцию вкатилась дрезина – старая, скрипучая, готовая развалиться в любой миг. За ржавым рычагом сидел мужик – низенький, сутулый и заросший, как собака. Лоб и правый глаз закрывали бурые бинты, растрепанные волосы напоминали крысиное гнездо. Незнакомец был в потертой кожанке поверх химзы, на макушке тускло блестело стекло респиратора.

Арина сразу узнала дикого. Этих ребят ни с кем не спутаешь. Несмотря на крайне натянутые отношения, Город и Безымянка торговали даже во время войн. Вот и гость привез два бака чистой воды, жизненно необходимой на станции. Девушка печально вздохнула. Дикие порой таскали презанятные штуковины и охотно меняли на пайки, но вода ей ни к чему. Ствол бы или обвес какой… Посидев немного, она побрела восвояси.

Бронины жили в середине платформы, в просторной палатке с тремя «комнатами». Боковые – спальни, самая большая служила кухней, мастерской, складом и библиотекой. Из убранства – шкафчик, верстак и складной столик с объемными ящиками по обе стороны.

Чего в них только ни лежало, но ключ был лишь у Влада. Поздними вечерами, когда дочь ложилась спать, он доставал тиски, инструменты и с медитативным наслаждением ковырялся в оружии. Разбирал, чистил, смазывал, где надо, подтачивал. Он старался окружить ребенка уютом, но при этом не перебарщивать. И не таскал в дом пусть и красивые, но бесполезные вещи. Ведь чем их меньше – тем проще сберечь. Если бы пришлось рвать когти, весь скарб уместился бы в ящиках. Доволок до дрезины – и езжай, куда хочешь. Просто и удобно. А коль и на это времени не будет, в комнате ждал рюкзак с НЗ. Несмотря на кажущееся благополучие, Спас всегда готовился к худшему. И не понимал тех, кто захламлял палатки древней рухлядью, будто пытаясь вернуть жилищам довоенный облик.

Наверное, это был отголосок службы в МЧС. Спас всегда считал, что самое ценное у человека – жизнь. И даже самая удобная мебель, мягкая постель и фарфоровая посуда не помогут ее сохранить. Так думали далеко не все. Многие до сих пор не осознали, где оказались, и пытались отгородиться от новых реалий барахлом старого мира. То ли не понимали, то ли не хотели понять, что нет на свете стен, способных защитить от перемен.

Возвращаясь с работы, Кроха включала газовую плитку и готовила скромный ужин к приходу отца. На грибах, сале и вяленой свинине далеко не уедешь, но девушка старалась каждый день радовать родителя новыми блюдами. В этом нелегком деле помогали книги и журналы. Правда, последние Спас читал сам, прежде чем отдать дочери. Чтобы ни абзаца крамолы не проскочило по недосмотру в юную голову. Будучи помладше, Арина страшно злилась на цензуру, но, повзрослев, сказала папе спасибо. Чем строже запреты, тем сильнее желание их обойти. А от желания до возможности не так уж и далеко.

Подойдя ко входу, Кроха заметила на коврике тяжелые сапоги. Шипение масла и сочный дух жаркого недвусмысленно намекали – Влад вернулся раньше обычного. Странно.

– Тебя ранили?! – с ужасом спросила она.

Спас покосился на забинтованное плечо и устало улыбнулся.

– Ерунда. Док все заштопал.

– Кошмар… – девушка осторожно обняла его и чмокнула в гладко выбритую щеку.

– Вот-вот. А ты еще о сталкерстве мечтаешь. Будь ты там, – мужчина кивнул на потолок, – со страху бы умерла.

– Будь я там, – в сердцах ответила девушка, – с тобой ничего бы не случилось! Я бы этого мутанта… я бы его… я бы…

Она всхлипнула и утерла нос, ожидая, что по привычке отец утешит ласковым словом. Вместо этого бродяга швырнул сковороду на стол и рявкнул:

– Будь ты со мной, нас бы обоих кончили! Поэтому я хожу, чтобы тебе не пришлось!

– Но…

– Никаких «но»! Сколько раз повторять: поверхность – не песочница! Это ад на Земле! Когда же, наконец, поймешь!

– Прекрасно понимаю!

– Ни черта ты не понимаешь и гнешь свою линию! – гремел добытчик, хотя прежде их споры редко перерастали в скандалы. – Ветер в башке и шило в заднице! В кого вообще такая уродилась?

Арина вспыхнула от обиды.

– Может, в тебя?!

– Нет! Я рискую осознанно, по нужде, а ты живешь мечтами и хотелками! Наслушалась идиотов и выдумала себе сказочный мир с понями и единорожками!

– Неправда!

– Правда! Иначе не пыталась бы лезть к черту в пасть! Мне стыдно за твои выходки! Стала посмешищем для всей станции! Уже и соседи хохочут над сталкером в розовых сапожках!

Не сказав ни слова, Кроха ушла в комнату и звякнула молнией.

– Арина, вернись, – тихо произнес отец.

В ответ зашуршал спальник.

– Ну, прости… Сорвался, старый дурак. Надо поговорить. Это важно.

Девушка не шелохнулась до утра. Когда сирена возвестила о начале нового трудового дня, Спас уже ушел.

* * *

– Ты что, плакала? – ехидно спросила Ольга, когда Кроха пришла на ферму.

– Нет, – угрюмо буркнула та. – Подруга плакала, а я рядом стояла.

Рыжая и Пулеметчица переглянулись, пожали плечами и вернулись к работе. Первая точила на ремне охотничий кинжал, вторая ровняла острый, как иголка, наконечник арматуры. Маша тяжелым молотком постукивала по вбитым в стену крюкам, под которыми стояла широкая лохань. Все это делалось лишь в одном случае – когда очередная хавронья «дозревала», и наступала пора собрать урожай.

Арина ощутила мерзкую тяжесть в животе.

– Что такое? – хмыкнула пьянчуга. – Бледная какая-то. Не заболела?

– Или крови испугалась? – хохотнула Анька.

– Угу, – поддакнула Грязнуля. – Когда свинку режут – всегда отворачивается.

– Никуда я не отворачиваюсь! Просто делаю за вас всю работу, пока вы по три часа возитесь.

– Ну, сегодня ты нам поможешь, – сказала Пулеметчица. – Глядишь, быстрее пойдет.

– Да вы и сами справитесь, – дрогнувшим голосом пролепетала девушка.

Женщины рассмеялись.

– Я вчера кисть вывихнула, – продолжила Анька. – Пальцы еле сгибаются. Ни ударить, ни штырь направить, ни свинью придержать. Без тебя никак.

Кроха судорожно сглотнула и опустила взгляд. То ли от страха заложило уши, то ли в загоне воцарилась непривычная тишина. Казалось, даже хрюши перестали чавкать и в ожидании уставились на нее. Что выберет карающая длань: молот, копье или цепи?

– Голова кружится… позавтракать забыла.

– Слушай, кончай уже, – сердито бросила Ольга. – Ты же сталкером стать мечтаешь, а какой из тебя, на хер, сталкер? Они ж и чудищ мочат, и людей на раз-два, а ты свинью заколоть боишься.

– Ладно… – Арина смахнула холодные капли со лба. – Возьму цепь.

– Какую еще цепь? – взъелась Анька. – Хавронья хрюкнет – тебя сдует. Кол держи, да хорошенько.

– Это да, – прогнусавила Маша. – Не тряси, а то промахнусь.

Забой в метро – целый ритуал. Свинью надо вывести из загона и уложить на правый бок, непременно поглаживая по рылу и холке. Когда скотина успокоится и начнет засыпать, второй участник приподнимает ногу и подносит штырь к подмышке. Сила нужна немалая, ведь тяжелый прут придется держать на весу одной рукой, а шкуру поцарапать никак нельзя. Долго целиться не сможет даже крепкий мужик, поэтому третий обязан быстро и крайне точно ударить по штырю. Тогда свинья отойдет в страну съедобной грязи легко и почти безболезненно. Однако женщины из-за неопытности и страха часто мазали, попадая то по хрюшам, то по рукам помощниц. В итоге все кончалось такими скачками, что на шум сбегалась вся станция. Думали, прорвались мутанты и крушат ферму.

Арина прижала кол к груди и отступила в сторонку. Маша – как самая сильная из оставшихся в строю – накинула цепь на необъятную шею. Ольга с кувалдой на плече пинком распахнула дверцу. Все происходило без единого слова – каждая знала свое дело. В тишине лишь лязгали звенья да похрюкивали счастливчики, коих минула чаша сия. Действо напоминало не то казнь, не то жертвоприношение. И что самое жуткое – приговоренная даже не подозревала, что ее ждет.

Хрюшу по кличке Пухлик подвели к лохани. Животное дожевывало мусор и послушно брело за палачом. Из-за тесноты и почти полной неподвижности бедняга разжирела так, что пузо волочилось по полу, а складки на рыле застилали глаза. Это еще больше подчеркивало сходство с казнью. Арина не раз читала, как осужденным надевали на головы мешки. Якобы так гуманнее, но

девушка точно сошла бы с ума, не видя, как и когда ее убьют.

– Микроб, не спи! – прикрикнула рыжая.

Свинья неуклюже брякнулась на бок, едва Маша надавила на спину. Держать больше своего веса измученная скотина просто не могла.

– Давай-давай, – проворчала Анька, запалив самокрутку.

Легко говорить. Хотя Крохе и было жаль хрюшку, она прекрасно понимала: или свинья, или они. Но одно дело – молча одобрять и совсем другое – участвовать лично. На негнущихся ногах девушка шагнула к цели, убеждая себя, что это всего лишь тупая скотина. Один удар – и все кончится быстро и чистенько. А не как в прошлый раз, когда штырь застрял в ребрах, и несчастный Пятачок нарезал круги по платформе, снося палатки и забрызгивая кровью (и не только) все подряд. Ох, и досталось тогда от Сивого.

– Резче, сталкер хренов, – буркнула Ольга. – Как ты мутантов убивать собралась? А людей?

– Трусиха, – Пулеметчица запрокинула голову и пустила сизое колечко. – Ничего не можешь, ничего не умеешь. Что ты вообще наверху забыла?

– Вот-вот. Прижмет папку защитить, а ты на курок нажать струхнешь. Или на что там жать надо?

Арина судорожно сглотнула и опустилась на колени. Пухлик дернула ухом и завертела хвостиком – совсем как собака при виде хозяина.

– Ты что, ревешь? – рыжая хищно сощурилась.

– Да это от дыма, – солгала Кроха.

– Угу. Суй штырь. Я уже затрахалась молот нянчить. Весит херову тонну.

Женщины с любопытством уставились на работницу. Та, бледная и дрожащая, приподняла свинье ногу.

– Вот так, – Ольга взяла кувалду на изготовку. – Умница. Авось выйдет из тебя бродяга.

Девушка до скрипа стиснула зубы и зажмурилась.

– Простите.

Она швырнула арматуру и рванула прочь, зажав рот ладонью и не видя ничего перед собой. Шагов через десять налетела на Дока, чуть не сбив с ног внезапно появившегося джентльмена.

– Извините…

– Постой!

Арина замерла.

– Да?

– Надо поговорить.

– Что-то случилось? У меня работа…

– К сожалению, случилось. Идем.

Жилище врача напоминало музей. Вдоль стен тянулись полки с самыми разными штуковинами, найденными среди руин и представляющими какую-никакую культурную ценность. Вазы – прозрачные и расписные, потрескавшиеся и обгоревшие бюстики известных в прошлом людей, чудом уцелевшие картины с деревенскими пейзажами. Пол устилал мохнатый ковер, на который Кроха случайно наступила грязным сапогом, но хозяин сделал вид, что ничего не заметил. Окна закрывали кружевные занавески, вагон напополам делила тяжелая фиолетовая штора.

Убранство столь ярко отличалось от брезентовой серости станции, что гостье сделалось не по себе. Она словно очутилась в сказочном дворце из детских

книжек. Док достал из шкафчика пыльную бутылку и наполнил бокал.

– Выпей.

– Что это? – девушка с опаской взяла холодный хрусталь.

– Лекарство, – Семен улыбнулся. – Я же доктор.

Напиток оказался сладким, со странным терпким привкусом. Ничего подобного Арина прежде не пробовала. Голова вмиг закружилась, ноги словно набили ватой. Док помог Крохе опуститься в кресло и хлебнул из горла.

– Так о чем вы хотели?..

– О Владе, девочка. О твоем отце. Через это все проходят. Одни позже, другие, увы, раньше. Ты же знаешь, век бродяги короток.

Она будто проглотила кусок льда. Живот скрутило, к горлу подступил ком.

– Его укусила какая-то тварь. Ни с чем похожим я прежде не сталкивался. Случай, можно сказать, атипичный. Заметила повязку на плече?

Девушка машинально дернула головой, не сводя остекленевшего взгляда с бороды собеседника. Седой клинышек покачивался при разговоре и гипнотизировал не хуже маятника фокусника.

– Не знаю, что это за гадость, но лекарства от нее нет. Спаса ждет жуткая смерть, и он не хотел, чтобы ты видела мучения близкого человека. И принял волевое решение – уйти, как подобает сталкеру. Но не волнуйся. Я не брошу в беде дочь лучшего друга. Переедешь ко мне и навсегда забудешь о вонючих свиньях. Научу тебя всему, что знаю сам, на случай, если костлявая нагрянет и за мной. Так хотел Влад. Это его последняя воля. Понимаешь?

Арина кивнула и рухнула без чувств.

Глава 4

Непутевые попутчики

На вкус – как малина, а похожи на крыжовник. И светятся.

Егор Ежов, «Ежовые заметки»

Кроху разбудила сирена. Девушка пулей вылетела из спальника, хотя обычно ворочалась до второго сигнала. Вооружилась ложкой и сняла с плиты сковороду. Деликатесы с поверхности – фасоль и тушенка – не успели остыть, значит, отец ушел совсем недавно. Уплетая завтрак, она то и дело косилась на мятый календарь с обгоревшими краями. Выше столбиков дат на бельевой веревке висел котенок, цепляясь лапками изо всех сил. Надпись над ним гласила: «Сражайся до конца».

Папа мог выбрать любой плакат – с жаркой красоткой, танком или блестящим автомобилем. Но принес именно этот, и отнюдь не из-за милого зверька. «Сражайся до конца» – его девиз.

Арина взяла огрызок карандаша и обвела девятое августа. Сегодня особый день. Ровно пятнадцать лет назад она появилась на свет.

В набитом людьми подземелье сложно быть одинокой, но у Крохи получалось отлично. Никто не отваживался якшаться с дочерью сталкера, ведь самих добытчиков сторонились и терпели как необходимое зло. Они, словно шаманы и колдуны, проникали в загробный мир – страшный, враждебный и, самое главное, непознанный. И вместе с ценным хабаром невольно приносили частички вотчины духов туда, где их меньше всего ждали. Многие и вовсе считали, что бродящие по поверхности сами становятся ее частью. Поэтому Арине не помогали ни открытость, ни доброта. Первую принимали за глупость, вторую – за слабость.

Вернувшись со смены, именинница не поверила глазам. На столе лежало самое настоящее укулеле – маленькая гитара, о которой девушка мечтала с тех самых пор, как увидела в старом музыкальном журнале. Прежде пыталась освоить обычную, но короткие пальцы с трудом брали даже самые простые аккорды, а о баррэ пришлось забыть сразу.

Схватив подарок, Кроха тут же взялась за дело. Быть может, теперь изгой станет душой компании? Умелых гитаристов уважает все метро. Вне себя от счастья, она поспешила в кабак, где вечерами собиралась молодежь. Хотелось поскорее заявить о себе, стать заметной и в кои-то веки завести друзей.

– Крутая балалайка, – похвалил паренек по имени Роман – высокий и светловолосый. – Как под тебя делали.

Ребята засмеялись. Девушка зарделась и опустила взгляд.

– Хорошо, когда пахан – сталкер, да? У нас таких штук никогда не будет. Сыграешь?

– Да я… не очень…

– Давай, научу.

Арина вскинула голову и с трудом подавила улыбку. Неужели свершилось?

– Все просто, – Роман положил деку на колено. – Гляди.

Взмах, удар – и две нижние струны лопнули. Парень посмотрел на них и с притворным огорчением произнес:

– Вот незадача. Но ничего, батон новые достанет.

Под смех собравшихся укулеле грохнулась к ногам.

– С днем рождения, малыш! Чего такая грустная?

Спас был, как всегда, румян, улыбчив, и походил на Деда Мороза без бороды. Дочь протянула ему гитару и обреченно подперла щеку кулаком.

– У меня никогда не будет друзей.

– Как это не будет? – удивился отец. – А я?

Девушка вздрогнула и шумно втянула спертый воздух. Она лежала на высокой мягкой кровати, под потолком мерцал плафон. Выбравшись из-под одеяла, Кроха распахнула штору. Док сидел на прежнем месте, на полочке перед ним заметно прибавилось пустых бутылок. Из одного бокала врач пил сам, второй накрыл кусочком грибного хлебца.

– А, это ты… – Семен едва ворочал языком.

– Долго спала?

Он нервно дернул плечом.

– Около часа. Не переживай, солнце, теперь можешь спать, сколько захочешь. Никаких сирен, никаких свиней! Я о тебе позабочусь… Я обещал!

– Куда пошел Спас?

– Куда-куда… Какая уже разница? Мы с тобой вдвоем остались. Влад был мне как брат! Так что дядя Сема все устроит. Будешь королевой ходить, – Док залпом выдул напиток и плеснул еще. – Красавица моя… Присядь поближе, я тебя утешу… Понимаю, каково сейчас. Сердце, – хлопок по груди, – обливается.

– И все же, где он?

– А! – старик махнул рукой. – Сказал, на кладбище пора. Пробил, понимаешь ли, его час. Или не на кладбище? На что-то такое… похожее. С похоронами связанное. Да, определенно так…

– На Погост?

– Точно! Говорят, туда сталкеры помирать ходят. Но ты не волнуйся, радость моя. Все у нас будет хорошо. Я хоть и не молод, но сил полно, – он подмигнул.

– Помянем?

– Отличная мысль! Ну, Влад, за тебя, братишка! Земля пухом! Или что там под Куполом вместо нее.

После третьего бокала врач откинулся на спинку и захрапел. Выждав немного, Кроха взялась за дело. В жилом вагоне ничего полезного для вылазки не нашлось: ни патронов, ни оружия. То ли зарыл в схроне, то ли все спустил на вазы и картины.

Обшаривая лазарет – полку за полкой, ящик за ящиком, она обнаружила небольшой самодельный конверт. Так бы и оставила, если бы не надпись: «Арине». Почерк отца узнала сразу. Помимо короткого письма, внутри оказалась блестящая гайка на медном проводе. Очень скоро девушка поняла, чья она и зачем нужна.

Арина, ты с детства мечтала быть бродягой, а я всячески запрещал. И не зря. Выход на поверхность – это русская рулетка с полным барабаном. Ты говорила, я тебя не уважаю, считаю слабой, недостойной. Что опекаю, как наседка, что не люблю. Это не так. Совсем не так. Поэтому и думать не позволял о сталкерстве. Моя доля – не романтика, не приключения и не забава. Это – ад на Земле. Я долго бегал от него, но удача не вечна. Цапнуло не пойми что, и через пару дней – конец. Не хочу, чтобы видела меня орущим и пускающим слюни. Запомни папку сильным, веселым и смелым.

Смелым…

Я не боюсь ни смерти, ни самой страшной твари, но побоялся сказать все лично. Побоялся увидеть твои слезы. Ты бы наверняка попыталась меня остановить, но я не могу уйти, как те бедолаги, что сутками вопят в лазарете. Пусть прозвучит напыщенно и глупо, но я жил как сталкер и умру как сталкер. Пойми, пожалуйста. И не суди.

И не потеряй гайку. Передай ее караваном на Алабинскую, добытчику по имени Егор Ежов. Помнишь его? Год назад он забрел к нам, так все девки со станции сбежались. Я спросил: «Нравится?», а ты покраснела и надулась. Еж – парень в целом положительный, но дюже странный. За ним должок, так что в обиду не

даст. Ни одна вошь не тронет, а для меня это самое главное. Живи, как живешь, слушайся Дока и прости за все.

Отец

Кроха смахнула слезы и сунула бумажку в карман.

– Нет, папа. Ты скажешь это сам. Глядя в глаза.

Затем сгребла в цинковый тазик лекарства – в дороге пригодятся. Но у дверей резко развернулась и поставила обратно все, кроме баночки с обезболивающим. Таких еще три, людям хватит.

Перед уходом беглянка задержалась у высокого зеркала и едва узнала себя. Всего за пару часов осунулась пуще прежнего, аж венки на висках проступили, и обзавелась темными кругами вокруг глаз, как у енота. Несмотря на это, ее все еще выдавали длинные волосы и милая мордашка. Взятым со стола скальпелем нещадно обкорнала локоны цвета свежего имбиря и натянула шапочку до самых бровей. Зачерпнув горсть из пепельницы, выпачкала лицо и удовлетворенно кивнула отражению. В темноте туннелей легко сойдет за пацана – чумазого и тощего, как и все пацаны в метро.

Повертев гайку перед лицом, она шепнула:

– Ну, Ежик, не подведи. Мне очень нужна твоя помощь.

* * *

Арина рванула прямиком к схрону. Таиться больше не было смысла. Никто за ней не проследит и уж точно не накажет. Возможно, уже никогда.

Небольшой брезентовый рюкзачок лежал в выемке под перроном, надежно закрытый мраморной плитой. Все на месте, припасы не стащили. Промасленная коробка с дюжиной патронов, старый советский противогаз, запасные фильтры и сухой паек на сутки. Из снаряги – мешковатая химза и приснопамятные розовые сапожки. С таким набором если и можно куда сходить, то исключительно на тот свет. Но девушке было все равно. Опасная неизвестность

снаружи пугала куда меньше одиночества в метро. К тому же, когда местные узнают о Спасе, ей вообще спуска не дадут.

Пытаясь надеть рюкзак, Кроха дважды промахнулась мимо лямки. Беглянке страшно хотелось упасть и завыть во всю глотку, но она прекрасно помнила любимую присказку отца – слезами горю не поможешь. Все эти годы она следовала чужим правилам. Но в жизни каждого человека непременно наступает миг, когда действовать приходится самому. И либо он переступает через себя и начинает новый этап, либо превращается в безвольного овоща, за которого все решают посторонние. Друзья, родственники, начальники, супруги. У всех нас два пути: грести против течения или плыть задом кверху. Второй выбор проще и спокойнее, но ведет прямиком в омут или болото. Первый гораздо сложнее, но если не надорвешься, выплывешь туда, куда сам захочешь. Арина с детства мечтала именно о таком. И вот выпал шанс, хотя девушка отдала бы все, чтобы он оказался не таким.

В сказках героев всегда толкает на подвиги беда. То Горыныч прилетит, то Кощей невесту похитит. К сожалению, и в обычной жизни нет рычага сильнее горя. Оно переворачивает привычный уклад с ног на голову, рушит планы, сбивает с толку и топит в гнойной пучине отчаяния. Но богатырь тем и отличается от холопа, что без сомнений отправляется в путь-дорогу, а не хнычет на полатях, проклиная судьбу и ожидая помощи от кого угодно, кроме себя самого. Ведь герой – не тот, кто побеждает, а тот, кто не боится сразиться. Закинув пожитки на плечи, Кроха поспешила к туннелю.

Дрезина дикого все еще стояла на путях. Торговец о чем-то договаривался с местными и, судя по долгому жаркому спору, речь шла не только о бочках с водой. Вот она – подмога! Арина подошла к тележке и нагло уселась на борт. Скрип кормилицы немедленно привлек внимание оборванца. Гость смолк на полуслове и поспешил к незваной гостье, сунув руку в карман кожанки.

– Пшел отсюда, шкет! – прохрипел он, глотая слоги.

– До Алабинской подвезете? – старательно пробасила Кроха.

– Я тебе такси, что ли? – окрысился мужик.

– Заплачу.

Пришлый глянул на протянутые патроны и сморщил красный нос.

– Маловато будет.

– А если так? – девушка поставила сверху баночку таблеток.

При виде лекарства блеклый глаз барыги полыхнул огнем.

– А так – другое дело. Давай сюда.

– На Алабинской и дам.

– Не умничай тут, поц. Условия маме ставить будешь.

Арина не понаслышке знала: торговцы – те еще прощелыги, а ребятам с Безымянки и вовсе доверять нельзя. Поэтому отсыпала горсть, а остальное спрятала за пазуху.

– Или так – или никак, – несмотря на спешку, беглянка решила поспорить. Если челнок поймет, что ей позарез нужно на станцию – три шкуры сдерет.

– Ладно, – дикий кинул в рот два кругляша и жадно разжевал. – Прыгай за рычаг, щас покатим.

– Справился? – лениво спросил дозорный под скрежет гермозатвора.

– А то.

– Заезжай еще.

– Обязательно заеду. Сперва на базар, а потом к твоей мамане!

Боец плюнул под ноги. Дикий с хохотом показал ему средний палец. Глядя на все это, Кроха поежилась. Послал же бог попутчика! Но лучше с таким, чем одной. После перемирия дальние посты сняли, крайний костер горел в ста

метрах от выхода. А дальше – мрак, где случается всякое.

– Давай, малой, подсобляй. Дергай, да посильнее, – спутник усмехнулся. – Я – Псина. А тебя как звать?

– Кро… Крот.

– Крот? Ну да, похож. Словно рылом землю рыл, – оборвыш запрокинул лохматую башку и заливисто расхохотался. – Эх, хороши пилюли!

– Кто там ржет? – сердито гаркнул часовой.

– Твой мертвый батя!

Торчок налег на рычаг. Дрезина на полном ходу проскочила пост, чуть не сбив парня в сером камуфляже. Тот в последний миг успел выскочить из-под колес.

– Ух, сука!

Ругань растворилась в темноте. Псина рухнул на лавку и схватился за сердце.

– Ля, чуть мотор не заглох, – третья таблетка хрустнула на гнилых зубах. – Но оно того стоило, гы. Малой, покачай немножко. Дедуле надо передохнуть.

Рычаг шел туго, со скрежетом, но Арина привыкла к тяжелой работе. Впервые покинув дом, она с любопытством пялилась по сторонам. Грязный фонарь на носу смахивал чернильную темень со ржавого ребристого свода и пыльных рельсов. Туннель напоминал нутро огромного червя из книжки про далекую пустынную планету. И тоже казался живым.

Сквозь перестук и скрип рессор пробивались незнакомые звуки. Сталкеры говорят, после Войны метро не умерло, а переродилось и зажило своей жизнью. И теперь не всемогущие некогда люди, а оно само устанавливает законы и правила. И наказание за нарушения порой страшнее смерти.

Чем дальше тележка отъезжала от костра, тем чаще в памяти всплывали леденящие кровь байки. Со дна сознания поднялась вереница давно забытых

историй, после которых с трудом удавалось заснуть. Про ходы под метро, где чертовщина завелась задолго до Катастрофы. Про души умерших, нашедшие последнее пристанище в трубах. Про заблудившихся в переходах детей, что просили подвезти, а после караванщиков находили без капли крови. Про громадную тварь, которой надо хлопать, чтобы прогнать восвояси. И про многое-многое другое.

Очень скоро забулдыга напротив перестал казаться хоть сколько-нибудь опасным. Ведь истинное зло таилось там, во тьме. Например, за той обшарпанной дверью с дырками от пуль. Или в раскопе, кое-как залитом цементом и утыканном арматурой. Почему его поспешили закрыть? Что вылезло оттуда? Успели ли его убить, или чудище сбежало и прямо сейчас провожает дрезину голодным взглядом?

В спину вонзились колючие ледышки. Арина попыталась обернуться, но не смогла – страшно. Старожилы советуют не пялиться в бездну, иначе бездна заметит тебя, как маяк в ночи. И поторопится погасить отвратный ей свет.

– Ты живой? – прохрипел Псина.

– А? – Кроха вздрогнула.

– Вроде едешь, а вроде спишь. Запомни – никогда не дрыхни в туннелях. Ни-ког-да.

– Почему?

– По кочану. Тебя что, мама не учила старших слушать? Впрочем, хочешь сам узнать – вперед и с песней.

– Спасибо. Запомню.

– Спасибо, – спутник сморщился. – Кто тебя так говорить научил: спасибо? Благодарю, епт. Ты же с нормальным человеком катишь, базарь правильно!

– Благодарю…

– Вот и молодец. Хороший ты парень. Вежливый. Люблю таких.

Он странно улыбнулся, и девушка предпочла замолчать. Но стоило голосам стихнуть, как по ушам вновь ударили жуткие звуки. Кроха старательно вслушивалась, но так ничего и не разобрала. Нечто среднее между далеким гомоном, приглушенным шелестом, треском радио и монотонной капелью. Шипящий лязг доносился отовсюду, то затихая, то накатывая с новой силой.

– Не крути башкой. Это шум с той стороны.

– Откуда? – удивленно пролепетала Арина, чуть не забыв басить.

– Оттуда. Кое-кто думает, что метро разделилось на две части. На одной – мы, а на другой все так же, как в самом начале войны. Ходят поезда, люди стоят на платформах. Последние минуты их унылых жизней повторяются раз за разом, год за годом, а они даже не знают, что давно мертвы. Иногда призраки прорываются в наш мир. И упаси господь встретиться с ними. Упаси господь.

– Это правда?

– Хер знает, – Псина пожал плечами. – Но шумит же что-то.

Глаза заслезились, пальцы намертво впились в рукоять. Бедняга оцепенела и боялась даже дышать.

– Да ты не ссы, малой. Я десять лет туда-сюда мотаюсь и ничего такого не встречал. Но все бывает в первый раз, хе-хе.

Девушка попыталась успокоиться и думать о чем-нибудь хорошем, но так и не нашла, о чем. Отец невесть где, впереди невесть что, а тут еще этот проныра со своими страшилками. Чтобы не поддаться панике, начала фантазировать, как вместе с Егором выберутся на поверхность и надают мутантам по рогам. А после отыщут лекарство и спасут папу. Жаль, что такое возможно только в детских книжках. А мир вокруг если и похож на сказку, то на самую жуткую.

– Знаешь, почему в туннелях нет света? – невзначай спросил попутчик.

– Почему?

– Лампы постоянно перегорают. Меняй – не меняй, следи – не следи… Метро не любит, когда в него лезут без уважения. И жестоко карает всех, кто не живет по его понятиям.

– Ясно, – дрожащим голосом ответила Кроха.

Фонарь моргнул раз-другой и погас. Сердце дернулось так, что в затылке закололо.

– Тьфу ты! Кати, малой, а я подзаряжу. Найти бы его еще… дерьмо на палочке. А, во!

Псина заскрипел динамо-машиной. Темень стояла кромешная, все звуки стали гораздо громче. Арина могла поклясться, что тихий девичий голосок шепнул прямо на ухо: «Беги!..». А вскоре что-то мягкое и холодное коснулось щеки.

Захотелось бросить все и бежать, куда попало, лишь бы не сидеть в окружении невидимой нечисти. Пытаясь вырваться из цепких лапок страха, девушка изо всех сил навалилась на рычаг. Только бы скрипы, стуки и скрежеты заглушили потустороннюю какофонию.

– Гони, пацан, гони! – прикрикнул дикий. – Ох, ты ж, ё…

– Что там?!

Торгаш сидел напротив и отлично видел все позади беглянки.

– Не оборачивайся! Паря, не вздумай обернуться!

– Да что там?! – взвизгнул «паря».

– Резче! – не своим голосом рявкнул барыга. – Еще быстрее! Топи, как в последний раз!

В висках гудело, под веками плавали разноцветные пятна. Легкие рвало на каждом вдохе, в селезенку словно вонзили нож, плечи жгло огнем. Но Кроха продолжала дергать рычаг, как в припадке. Откуда только силы брались.

– Давай! – верещал челнок. – Еще немного! Еще чуть-чуть!

Вдали забрезжили рыжие отсветы. Костер! Тут, как по волшебству, зажегся фонарь.

– Все, пацан. Выдыхай. Мое уважение.

Она свесилась за борт и сжалась в приступе рвоты. Казалось, вот-вот выблюет всю требуху. Когда спазмы унялись, откинулась на спинку и безучастно уставилась в потолок. Поставь на грудь бутыль молока – и вышло бы масло.

– На, глотни, – Псина протянул мятую фляжку. – А то сдохнешь еще. Нам ведь до Алабинской катить, а дважды этот трюк не срабатывает. Как правило, гы.

Дикий загоготал во всю пасть. Кроха кое-как повернула голову. Позади, понятное дело, не было ничего, кроме мрака.

– А ты неплох, – сквозь смех пролаял гаденыш. – Гнал, как бешеный! Никогда такого не видел.

Ей нестерпимо захотелось врезать ублюдку, жаль, пошевелиться не могла.

– Ничего, привыкай! Аномалии-хреналии – самые опасные! А-ха-ха!

Глава 5

Еж из машины

Ежи сказали, мне стоит согласиться. А кто я такой, чтобы спорить с ежами?

Егор Ежов, «Ежовые заметки»

Дозорный шагнул на пути и поднял ладонь. Бойцы слева и справа от старшего вскинули автоматы.

– Стоять! Стрелять буду!

Проныра нехотя потянулся к тормозу.

– Это я, Псина!

– Да хоть Савва Второй. Приказано всех шмона… то есть, досматривать.

Дрезина остановилась. Великан в камуфляже неторопливо обошел ее, постукивая прикладом по всем на его взгляд подозрительным местам.

– Ну, хорош, телегу не порть!

– Я тебе рожу попорчу, если не хлопнешь варежкой.

Арина не видела лица грубияна из-за балаклавы, но глаза показались мутными, как у дохлой крысы.

Нарвавшись на хищника покрупнее, барыга быстренько поджал хвост и простонал:

– Шмонали уже, начальник.

– Возможно, – тот щелкнул по баку и прислушался. – Но то – «туда», а теперь – «оттуда». И мне надо знать, что везешь в свою помойку.

– Чай и сала кусок. Будто на вашей помойке много ценного водится.

– Может, и водится. Смотря, что считать ценным, – философски изрек бугай. – Кто это с тобой, кстати?

– Пацан какой-то. Попросил до Алабинской подбросить.

– О, еще и бомбилой устроился?

– А почему бы и нет? Патроны лишними не бывают.

– Твоя правда. Бак открой.

– Но…

– А рот – закрой.

Торгаш отпер замок и скрестил руки на груди. Мол, чистый я, а тебе пусть будет стыдно за шмон честного человека. Дозорному стыдно не стало. Наоборот, он посветил под крышку и наморщил нос.

– Многовато у тебя сала, браток. За воду столько не дадут. Уж не спер ли, а?

– Да ровно все, отвечаю!

– Гладко стелешь, да не шибко верится, – боец хлопнул притихшую Кроху по плечу, не то ища поддержки, не то намекая на сдачу с поличным. – Башку подними. Ну, и чумазая же рожа. Землю рылом рыл?

Постовые засмеялись. Псина подхватил, но вовремя прикусил язык.

– Странно все. Подвох чую. Ну-ка, к стене оба.

– Начальник!

– Живо!

Под дулами «калашей» спутники уткнулись лбами в холодные ребра туннеля. Прежде никто не позволял себе так обращаться с дочерью известного бродяги. И пусть девушка не боялась нацеленных в спину стволов – стрелять вряд ли станут, особенно в своего, но неприятный холодок то и дело гулял вдоль

позвоночника.

– Придется слать гонца на Театр. Узнавать, все ли в порядке. Не было ли разбоя. Не пропало ли чего…

Арина вздрогнула. Этого только не хватало, когда каждая минута на счету.

– Пока то, да се… часа три пройдет. А вы задержаны до выяснения.

– Но мы спешим! – взвизгнула она.

– Пасть закрой.

– Беспредел, начальник…

– И ты тоже. Хотите быстрее – половина груза, и все уладим.

Барыга аж подпрыгнул от возмущения.

– Да ты шутишь?!

– И чая пару пакетов.

– Вы просто разбойники! – не выдержала беглянка. – Бандиты! Как так можно?!

Негодование и ярость лишь развеселили мздоимцев, Арине же было не до смеха. Выросши под надежным, хоть и слишком заботливым крылом отца, она еще не видела такого позора. И с детства считала дозорных бесстрашными защитниками, стоящими между выжившими и ужасами метро. Героями не хуже сталкеров, готовыми без сомнений отдать жизни за других. Кто бы мог подумать, что среди них встретится гниль и погань.

– Как зовут? – отсмеявшись, спросил главарь. Назвать его командиром Кроха не смогла бы при всем желании. Самый настоящий атаман воровской шайки.

– Крот! – с вызовом ответила беглянка.

– Куда путь держишь? Или точнее – роешь?

Хохма вышла хуже некуда, но подельники поспешили выразить уважение вожаку громовым гоготом.

– Сказали уже – на Алабинскую.

– А на кой?

– К Ежу в гости!

Тощий парнишка тихонько свистнул и отступил в тень. Второй закинул «калаш» на плечо и уставился на носки сапог.

– Он тебе друг, что ли? – неуверенно произнес грабитель.

– Он мой должник.

Дозорные замолчали. Лишь слышалось потрескивание досок в костре и напряженное сопение. Никто не знал, что делать. Главарь посмотрел на соратников, но те стыдливо опустили головы.

– Ладно, проезжайте.

– И проедем, – проворчал Псина, но от былой дерзости не осталось и следа.

Дрезина покатилась к гермозатвору. Отъехав подальше, торгаш наклонился и шепнул:

– Молоток, пацан. Круто затер. Недаром говорят: хороший понт дороже выстрела. Ежов – мой должник. Охренеть. Даже я бы очканул такое ляпнуть. Гы.

Кроха не стала его разубеждать. Как вскоре выяснилось – зря.

Больше проверок не было. Парни на станции ограничились дежурным:

– Мы следим за тобой.

Псина хмыкнул.

– Отлично. Тогда последите и за дрезиной.

Он спрыгнул и быстрым шагом направился к платформе, гнусаво мурлыча какую-то песенку, наверняка блатную.

– Эй, ты куда?! – крикнула Арина.

– Подождешь полчаса, не облезешь. Шаболды на Самарской – просто шик. Коль уж привалило патронов, то грех себя не побаловать. Не ссы, я быстро. Хочешь – айда со мной.

– Обойдусь.

– Многое теряешь, братишка. Но дело твое!

Раньше Кроха думала, что все станции одинаковые. Те же палатки, загоны, генераторы и очистители, те же усталые угрюмые лица. Как же она ошибалась. На Самарской вовсю готовились к Новому году. Вдоль стен растянули гирлянды из порезанных пластиковых бутылок. Чего-чего, а этого добра снаружи было навалом. Умники говорят, на тысячу лет хватит.

Посреди платформы расчистили небольшой пятачок для елки. Праздничное дерево собрали из ржавых прутов, а вместо мишуры обмотали спиралями колючей проволоки. Нержавейка задорно блестела в свете плафонов, издали походя на серебристую хвою. Вот только касаться иголок совсем не хотелось. Несмотря на жуткий вид, игрушки на ветвях были самые настоящие – как с открыток. Неизвестно, кто и где нашел целые стеклянные шары и шишки, но девушка вмиг прониклась к нему большим уважением. Ведь хороший добытчик – не тот, кто приносит много консервов, лекарств и других полезных штук. А тот, кто готов рискнуть ради ерунды и безделушек, лишь бы подарить выжившим капельку хорошего настроения.

Торговцы и кабатчики поспешили перебраться под сень новогодней ели. Как в старые добрые времена, когда на площадях устраивали ярмарки и гуляния. Продавали, правда, вовсе не пряники, а все те же патроны, оружие и снарягу. Кроха присмотрела отличные «берцы», но выменять было не на что. С другой стороны, розовые сапожки она лет пять носит, а эти впервые видит.

Так себе утешение. Чтобы не загрустить еще сильнее, беглянка подошла поближе к елке и уставилась на отражение в большом блестящем шаре. Часы над воротами показывали одиннадцать утра, местные были на работе, и гостье никто не мешал. У входа в кабак играл древний пружинный граммофон с расплющенной трубой. Гнутая игла нещадно драла пластинку, и мелодия больше напоминала радиопомехи, сквозь которые через раз пробивался приятный женский голос.

В лесу… пш-пшшш… елочка! Скрип-скрип, пшш… Она… вж-ж-ж-ж…. зимой и летом… пш-ш-ш…

Не песня, а сигнал бедствия.

– Нравится?

Арина обернулась и увидела старика в крашеной шапке-ушанке.

– Да. Красиво.

– Сам наряжал! Изодрался весь, но кому еще страдать? Я же Дед Мороз.

Она криво улыбнулась. Дома главный символ праздника всегда изображал ее отец. Вот он был настоящим Дедом Морозом: высоченный, широкоплечий, в длинном красном плаще и с накладной бородой до пояса. Его гортанный рокот разносился на всю станцию, приводя детвору в неописуемый восторг.

Он всегда разыгрывал забавные и поучительные сценки. Дедушка и мутант, дедушка и злодей с Безымянки, как дед двух барыг обхитрил. Два года назад очередное представление едва не кончилось трагедией. Ублюдки не погнушались напасть в разгар торжества. Арина на всю жизнь запомнила, как отец схватил ручной пулемет и рванул в туннель, даже бороду не снял. В тот

день каждая мразь получила знатный подарочек, а от ворот целый месяц тянуло кровью.

Девушка тяжело вздохнула и спросила:

– Вы слышали о Куполе?

– Конечно! – старик заметно оживился. – Отчего ж не слышал-то! Далеко на юге он. За рекой, за заводом, за кладбищем – там стоит, сверкает.

– Оттуда правда не возвращаются?

– Ну… ежели б кто вернулся, уж я-то об этом знал бы! С наступающим, малыш.

В шатре за елкой началась возня. Вскоре из него кубарем выкатился Псина и очертя голову помчал к дрезине, на ходу застегивая штаны. Следом выскочил лысый верзила в тельняшке и заорал, тряся татуированным кулаком:

– Вали на хер, гребаный мутант! Еще раз увижу – башню откручу!

– Что случилось? – спросила Арина, запрыгнув в тележку.

– Дерьмо случилось, – прорычал барыга и сплюнул кровь. – Снял меня прямо с шаболды, сучара. Даже шляпу попарить не успел.

Его трясло от ярости, блеклый глаз непрерывно дергался.

– Дикие ему не нравятся. Заразные, мол. А патроны мои не заразные?! – во всю глотку проревел лохмач и налег на рычаг. – Падаль вонючая. С бабы снимать – полный беспредел. Я ему устрою…

Проныра сожрал целую горсть таблеток и лишь тогда успокоился, но продолжал бурчать под нос проклятия. Когда крайний костер исчез позади, челнок рванул тормоз. Колеса с оглушительным скрежетом высекли искры, Кроха чудом не свалилась со скамьи. Когда зрение прояснилось, девушка увидела перед лицом кинжал.

– Раздевайся, – прохрипел попутчик.

– Зачем это?

– Совсем тупой?

Арина вжалась в спинку, ноги словно приросли к полу.

– Но я же парень!

– Да без разницы. Мне сейчас и собака – невеста. Лучше не выеживайся – и останешься жив. Учти: труп целых полчаса будет тепленьким. Понял намек? – Безумец махнул обухом у горла.

Она белкой прыгнула на рельсы и понеслась прямиком во мрак. Лучше сгинуть среди призраков и тварей, чем в грязных лапах насильника. Кроха неслась, как никогда раньше, но раздраконенный и обозленный Псина настиг ее в два счета. Повалил на живот, уселся сверху и попытался стащить штаны, но запутался в безразмерной химзе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chehin_sergey/metro-2033-spyaschiy-strazh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити